

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГЬЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Новыя изданія его сочиненій

съ января по августъ мѣсяцы 1887 г. ¹⁾.

29-го января 1887 г. окончился срокъ литературной собственности на сочиненія Пушкина, и сразу, въ первые же дни, появилось нѣсколько полныхъ изданій Пушкина, которыхъ заранѣе готовились къ этому сроку. Очень характерно для книжниковъ обѣихъ столицъ то обстоятельство, что сначала изданія эти появились лишь въ Петербургѣ, въ Москвѣ же къ сроку не вышло ни одного полнаго собранія сочиненій Пушкина, а затѣмъ, когда поразительный успѣхъ петербургскихъ изданій выяснился, въ Москвѣ послѣдовали одно за другимъ пять изданій: это показываетъ отсутствіе предпріимчивости и вмѣстѣ сильную степень спекуляторства у московскихъ издателей. Ниже мы увидимъ, что по существу и характеру самыхъ изданій сравненіе тоже не къ выгодѣ москвичей. Здѣсь я пока не говорю о школьнномъ изданіи Пушкина, подъ редакціей Л. И. Поливанова, появившемся въ Москвѣ (первыхъ два тома) къ 29-му января.

Въ два-три дня вышло сразу пять изданій Пушкина, всего, по крайней мѣрѣ, до 40 тысячъ экземпляровъ. За ними послѣдовали еще и еще новыя изданія. Въ три мѣсяца на книжномъ рынке появилось всего болѣе 150,000 (можетъ быть, и всѣ 200,000) экземпляровъ собраній сочиненія Пушкина въ разныхъ изданіяхъ, и до сихъ поръ число ихъ все растетъ и растетъ. И это кромѣ отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, экземпляры которыхъ должны считаться миллионами. Всѣ эти изданія отлично раскупаались и раскупаются.

«Памятникъ нерукотворный», созданный Пушкинымъ, его бессмертныя

¹⁾ Краткие отзывы о новыхъ изданіяхъ Пушкина были напечатаны мною въ № 115 „Русскихъ Вѣдомостей“ изд. 1887 г.

В. Я.

произведенія широко распространяются теперь «по всей Руси великой». Но это только еще половина дѣла, тутъ еще является важный вопросъ, въ какомъ видѣ распространяются сочиненія Пушкина.

Мало того, что сочиненія Пушкина выходятъ въ многочисленныхъ дешевыхъ изданіяхъ, это, конечно, важно, но въ этомъ нѣтъ большой заслуги со стороны издателей: низкая цѣна объясняется конкуренціей, и при томъ даже при такой низкой цѣнѣ издатели все-таки имѣютъ очень достаточный барышъ. Итакъ, многочисленность общедоступныхъ изданій не представляется никакой заслугой: издатели при этомъ обязаны, главнымъ образомъ, позаботиться о достоинствѣ текста,—въ этомъ состоитъ наиболѣе важная и наиболѣе трудная сторона задачи. Изданій Пушкина много, каковъ-же текстъ ихъ?

Прежде всего остановимся на общихъ требованіяхъ, какія мы должны предъявлять къ изданіямъ Пушкина; эти требованія могутъ быть выражены двумя словами: полнота и точность. Къ достижению обоихъ этихъ необходимыхъ качествъ въ изданіяхъ Пушкина—ведутъ одни и тѣ-же средства; 1) самостоятельное ознакомленіе со всѣми извѣстными рукописями поэта и 2) самостоятельное ознакомленіе со всѣми изданіями сочиненій Пушкина, какъ напечатанныхъ при жизни поэта, такъ и тѣхъ, которыхъ впервые или же въ дополненіи видѣ явились послѣ его смерти: при этомъ я разумѣю, конечно, не только отдельные изданія Пушкина, но и тѣ его произведенія или дополненія къ нимъ, которыхъ печатались по альманахамъ и по журналамъ, а также въ отдельныхъ монографіяхъ.

Главное собрание рукописей Пушкина хранится теперь въ Москвѣ въ Румянцовскомъ музѣ: тутъ находится больше тридцати черновыхъ тетрадей поэта, заключающихъ болѣе 2,000 писанныхъ листовъ подлинного текста, не говоря о копіяхъ, исправленныхъ Пушкинымъ. Изъ всѣхъ новыхъ изданій, о которыхъ я собираюсь говорить, только одно, редактированное П. О. Морозовымъ, пользовалось этими рукописями, и я укажу подробности этого ниже, говоря обѣ изданіи г. Морозова; а теперь остановлюсь нѣсколько на томъ значеніи, какое имѣтъ прежній печатный пушкинскій текстъ.

При жизни Пушкина многія его произведенія печатались по нѣсколько разъ, при чемъ Пушкинъ иногда дѣлалъ въ послѣдующихъ изданіяхъ поправки и измѣненія: такимъ образомъ, подлинный печатный Пушкинскій текстъ (буду такъ называть произведенія, напечатанныя при жизни поэта) даетъ не только окончательную редакцію того или другаго стихотворенія, но и варианты къ нимъ. Надо прибавить, что между стихотвореніями Пушкина, напечатанными при его жизни, почти двѣ трети такихъ, рукописи которыхъ до насъ не дошли, что еще болѣе, конечно, увеличиваетъ значение подлинного печатнаго Пушкинского текста. Этотъ текстъ долженъ быть теперь внимательно изучаемъ всякимъ издателемъ (т. е. редакторомъ) сочиненій Пушкина, какъ составляющей ихъ первую и главную основу. Какъ ни важно изученіе рукописей

поэта (тѣмъ болѣе, что онѣ еще не исчерпаны), но изученіе подлиннаго печатнаго текста Пушкина, какъ главной основы изданія, еще важнѣе, еще обязательнѣе. Издатель долженъ изучить всѣ печатныя Пушкинскія редакціи каждого стихотворенія (если этихъ редакцій нѣсколько), выбрать изъ нихъ основную (т. е. обыкновенно наиболѣе позднѣе изданіе) и дополнить ее указаніемъ имѣющихся варіантовъ. Далѣе, такъ какъ очень многія пѣсы Пушкина (по счету даже болѣшшая часть ихъ) напечатаны послѣ смерти поэта и иногда по рукописямъ, теперь уже неизвѣстнымъ, то значитъ, подобному же изученію надо подвергнуть и посмертный печатный текстъ Пушкина. Однимъ словомъ, критическое изданіе сочиненій Пушкина,—а всякое добросовѣстное полное изданіе его должно быть критическимъ, если не по отношенію къ варіантамъ, то по отношенію все-таки къ основному тексту,—критическое изданіе Пушкина должно прежде всего основываться на печатномъ Пушкинскомъ текстѣ, какъ по отсутствію рукописей для болѣшой части произведеній Пушкина вообще, такъ и по тому важному и самостоятельному значенію, какое, повторяю, принадлежитъ подлинному печатному Пушкинскому тексту, т. е. тексту произведеній его, напечатанныхъ имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, принимая, понятно, при этомъ во вниманіе тѣ измѣненія, которыми дѣлались Пушкинъ для печати изъ цензурныхъ или личныхъ соображеній и т. д.

Всѣ эти общія элементарныя правила изданій, конечно, уже давно хорошо извѣстны, всегда всѣми признавались, имъ старались слѣдовать по возможности всѣ редакторы изданій Пушкина: П. В. Анненковъ, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремовъ; я бы и совсѣмъ не остановился на такихъ старыхъ истинахъ, если-бы недавно въ одномъ журналь не было высказано удивительное непониманіе этихъ основныхъ правилъ: говоря объ изданіяхъ Пушкина, одинъ рецензентъ называлъ безполезной Сизифовой работой изученіе печатнаго текста Пушкина, сличеніе «книги въ большую осьмушку съ книгою въ малую осьмушку»...

Этотъ удивительный взглядъ на дѣло серіозно проповѣдуется въ назиданіе будущимъ издателямъ.

I.

Петербургскія изданія.

1. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. Цѣна за семь томовъ шесть рублей.

Предисловіе объясняетъ намъ, что изданіе это имѣло первою цѣлью «представить по возможности полный и тщательно пропрѣренный текстъ произведеній великаго поэта». Что же было сдѣлано редакціею для достиженія этой цѣли, этихъ основныхъ требованій? Предисловіе сейчасъ же даетъ намъ отвѣтъ: «соответственно этой цѣли, редакціею просмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Румянцовскомъ музѣѣ и Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, всѣ его произведения, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти».

Ниже я сдѣлаю оговорку о такомъ ограниченіи, но въ общемъ избранный пріемъ можетъ быть одобренъ. Посмотримъ же на его результаты.

Прежде всего, г. Морозовъ, занимаясь рукописями Пушкина, извлекъ изъ нихъ нѣсколько новыхъ, прежде незамѣченныхъ или неразобранныхъ вещей. Такъ, между прочимъ, имъ впервые были прочитаны въ рукописяхъ Публичной библіотеки: три стихотворенія, изъ которыхъ два — 1) «Мнѣ вѣсъ не жаль» и 2) «Не тѣмъ торжусь я, мой пѣвецъ» — важны для біографіи поэта и, не смотря на свою неотдѣланность, отличаются высокимъ художественнымъ значеніемъ. Есть и еще дополненія изъ рукописей Публичной библіотеки. Изъ рукописей Румянцовского музея г. Морозовъ извлекъ неразобранные раньше черновые наброски: «Въ рощахъ карійскихъ», «Мнѣ жаль великия жены» и «Еще одной высокой, важной пѣсни» (послѣднее стихотвореніе интересно по біографическимъ мотивамъ). Затѣмъ сдѣланы дополненія въ нѣкоторыхъ пѣсахъ (напр., 4 стиха въ посланіи къ гр. О. и т. д.), въ многихъ стихотвореніяхъ, также какъ и въ прозѣ, сдѣланы новые исправленія, новые вставки. Нечего и говорить, конечно, что всѣ многочисленныя дополненія и поправки Пушкинского текста, которыя сообщены были раньше въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ», на основаніи рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ музѣѣ, — всѣ они (или почти всѣ) вошли въ изданіе г. Морозова и при томъ иногда съ существенными исправленіями. Такимъ образомъ, въ общемъ г. Морозову удалось извлечь изъ черновыхъ рукописей Пушкина значительныя дополненія и поправки, — въ этомъ главная заслуга разбираемаго изданія; но все-таки я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о способѣ, какой употребленъ г. Морозовымъ для пользованія рукописями.

Прежде всего надо сказать, что г. Морозовъ не выяснилъ намъ этого способа, не опредѣлилъ своего отношенія къ рукописямъ. Какъ онъ имъ пользовался? что онъ бралъ изъ нихъ, что оставлялъ? исчерпалъ ли онъ ихъ? и хотѣлъ ли исчерпать? На такие вопросы «Предисловіе» не даетъ прямаго отвѣта; читателю приходится самому доискаваться ихъ рѣшенія.

Г. Морозовъ объясняетъ только (это мѣсто предисловія приведено выше),—что онъ свѣрялъ съ рукописями и исправлялъ лишь тѣ произведенія Пушкина, которые появились въ печати послѣ смерти поэта. Такого ограниченія, конечно, нельзя безусловно одобрить. Несомнѣнно, проверка по рукописямъ для посмертнаго Пушкинскаго текста важнѣе, чѣмъ для подлиннаго его печатнаго текста, но она имѣеть значеніе и для послѣдняго: она даетъ намъ черновыя къ нему дополненія и варианты, отмѣчаютъ самый процессъ творчества поэта, иногда даетъ поправки къ типографскимъ ошибкамъ и опечаткамъ. Самъ г. Морозовъ, однако, не держится точно выставленнаго ограниченія и, свѣряя иногда съ рукописью произведеніе, напечатанное самимъ Пушкинымъ, даетъ черновыя дополненія, напр., къ «Е. Онѣгину», къ «Кавказскому плѣннику», къ «Разбойникамъ». Но это не входитъ въ систему г. Морозова, и онъ не даетъ, напр., известныхъ уже ранѣе дополненій къ «Борису Годунову» или къ мелкимъ пѣсамъ: «Шишкову», «Безвѣріе», «Мечтателю» и т. д. Впрочемъ, мы точно также находимъ не всѣ извѣстныя дополненія при нѣкоторыхъ пѣсахъ, напечатанныхъ послѣ смерти Пушкина, — напр., при «Русалкѣ», при «Галубѣ»; или еще: нѣсколько пѣсъ, напечатанныхъ по смерти поэта, остались у г. Морозова неисправленными по рукописямъ, укажу для примѣра: «Къ Молодой вдовѣ», «Письмо къ Лидѣ», «Щербанину»; не вполнѣ исправлены: «Заздравный кубокъ», «Желаніе» и пр. То-же самое мы видимъ въ отдѣлѣ прозы, не вполнѣ, напр., исправлены: «Арапъ Петра Великаго», «Исторія села Горохина», «Египетскія ночи», или оставлены безъ поправокъ «Русскій Шеламъ» и т. д. Благодаря такому неправильному приему, допускающему неполное исправленіе текста, оказалась возможна слѣдующая курьезная ошибка. Въ пѣсѣ «Осеннее утро» у Пушкина шестой стихъ съ конца прежде былъ: «стоитъ туманъ на волнахъ похладѣлыхъ»; такъ и напечатано въ посмертномъ изданіи. Но въ рукописи Пушкинъ поправилъ: «...на нивахъ пожелтѣлыхъ»; г. Морозовъ исправилъ лишь одно послѣднее слово и у него вышло: «Стоитъ туманъ на волнахъ пожелтѣлыхъ»... (I, 140 ... Очень странное описание чистыхъ царскосельскихъ прудовъ! ¹⁾).

Если г. Морозовъ не сдѣлалъ съ рукописями Пушкина всего, что долженъ

¹⁾ Такъ еще, въ посланіи „Моему Аристарх.“, г. Морозовъ сдѣлалъ поправки по рукописи, но сохранилъ въ серединѣ пѣсы (I, 108) рядъ точекъ, совершенно ненужныхъ и ошибочно допущенныхъ П. В. Анненковымъ.

было бы, все таки и сдѣланное имъ вполнѣ заслуживаетъ благодарности. Что касается до печатнаго Пушкинскаго текста, то, къ сожалѣнію, г. Морозовъ занялся имъ не такъ внимательно.

Выше уже говорено о необходимости всякому издателю Пушкина изучить подлинный Пушкинскій текстъ, оригиналныя его изданія: такой пріемъ безусловно обязателенъ, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать г. Морозову сильный упрекъ.

Подлинный печатный Пушкинскій текстъ долженъ быть положенъ въ основу критического изданія сочиненій Пушкина, и всякий издатель долженъ выяснить, оговорить свое отношение къ этому тексту. Г. Морозовъ этого не дѣлаетъ, и читатель опять долженъ самъ заключать объ этомъ отношеніи; къ заключенію же онъ можетъ придти къ такому: г. Морозовъ мало, недостаточно пользовался подлинными Пушкинскими изданіями, а въ основу своего изданія положилъ текстъ Ефремовскаго изданія 1882 г. Г. Морозовъ взялъ текстъ 1882 г., исправлять и дополнять его по рукописямъ, но недостаточно свѣрилъ его съ подлиннымъ печатнымъ текстомъ: если не всегда, то часто онъ повторилъ текстъ 1882 г., сохранивъ его ошибки. Приведу нѣсколько примѣровъ, не оставляющихъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. У г. Морозова (I, 337) въ «Андрей Шенье»: «поднялась вновь усталая сѣкира», а въ собственныхъ изданіяхъ Пушкина 1825 и 1829 гг.: подъялась; «Вакхическая пѣсня» (I, 344): «поднимемъ стаканы»..., изданіе 1829 г.: «подыметъ»; «Цыганы» (II, 97): «проводжалъ сіи шатры», въ изданіи 1832 г.: «проводжалъ»; всѣ эти неточности повторены г. Морозовымъ изъ изданія 1882 г. Или вотъ еще примѣръ, особенно характерный у г. Морозова, вслѣдъ за изданіемъ 1882 г., «Посвященіе Плетневу» (II, 56) помѣщено въ концѣ 1828 г. и помѣчено 29-го декабря 1828 г., а между тѣмъ въ подлинномъ изданіи оно помѣчено: 29-го декабря 1827 г.

Такое же повтореніе ошибокъ или опечатокъ изданія 1882 г. замѣчается и въ текстѣ крупныхъ произведеній. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ «Е. Онѣгина». Глава I, строфа LX, стихъ 10: «Плоды трудовъ своихъ отдаимъ», а у Пушкина во всѣхъ изданіяхъ: «плоды трудовъ моихъ»... — Глава III, строфа XVIII, послѣдній стихъ: «И съ пѣньемъ въ церковь повели», у Пушкина: «Да съ пѣньемъ»... — Глава VI, строфа XXI, стихъ 12-й: «Такъ наша вѣрная подруга», — у Пушкина: «Такъ ваша»... — Глава VII, строфа XVI, стихъ 13-й: «Мальчишки разгоняли псовъ», — у Пушкина: «Мальчишки разогнали»... Той же главы въ строфи XXXIV совсѣмъ пропущенъ цѣлый стихъ 6-й: «Высокопарный, но голодный». — Той же главы, строфа XXXVIII, стихъ 1-й: «Прощай, свидѣтель нашей славы», а у Пушкина вездѣ: «...падшей славы». — Глава VIII, строфа LI, стихъ 6-й: «А ты, съ которой образованъ», — у Пушкина: «А та, съ которой»... Всѣ указанныя неточности, — ошибки или опечатки, — находятся въ изданіи 1882 г. и отчасти принадлежатъ

ему, отчасти повторены изъ предшествовавшихъ не Пушкинскихъ изданий, но во всякомъ случаѣ у г. Морозова онѣ (примѣровъ можно было бы привести гораздо больше) повторены изъ изданія 1882 г. и показываютъ намъ, что текстъ 1882 г. положенъ въ основу разбираемаго изданія. Быть можетъ, кто-либо найдетъ, что отмѣченныя неточности часто неважны, но, во-первыхъ, самъ г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть такого мнѣнія, а, во-вторыхъ, согласимся даже, что эти ошибки не важны: это вѣдь, однако, не значитъ, что ихъ слѣдуетъ повторять. Издание полнаго собранія сочиненій Пушкина—дѣло очень нелегкое; при обширности и сложности такого изданія въ немъ, конечно, трудно вовсе избѣжать ошибокъ и опечатокъ; но вотъ поэтому-то именно и не слѣдуетъ повторять еще чужія ошибки. Въ изданіи г. Морозова есть свои собственныя ошибки и опечатки (онѣ отчасти указаны въ поправкахъ изданія, отчасти были отмѣчены уже въ критикѣ), и есть кромѣ того еще ошибки и опечатки изданія 1882 г.; такимъ образомъ, тутъ-является уже двойное количество ошибокъ, и какъ бы ни были онѣ маловажны, но если дѣло пойдетъ такимъ образомъ дальше, Пушкинскій текстъ будетъ мѣняться и искажаться все больше и больше. На данномъ примѣрѣ хорошо видно все значение выставленнаго выше принципа: необходимо изучать подлинный печатный Пушкинскій текстъ¹⁾.

Итакъ, въ основѣ разбираемаго изданія лежитъ, какъ мы видимъ, текстъ 1882 г.; тутъ нельзя не отмѣтить одной странности. Издание Литературнаго Фонда пользуется текстомъ Ефремовскаго изданія 1882 г.; особенно важную помощь долженъ былъ оказать VII томъ, въ которомъ г. Ефремовъ впервые собралъ переписку Пушкина (и у насъ есть доказательства, что VII томъ Ефремовскаго изданія опять таки послужилъ основой для VII тома разбираемаго изданія: такъ, напр., въ письмѣ къ Нашокину, отъ 27-го мая 1836 г., у г. Морозова, какъ и въ изданіи 1882 г., пропущена приписка); этого мало, въ своихъ примѣчаніяхъ г. Морозовъ часто пользуется примѣчаніями г. Ефремова, повторяя ихъ иногда буквально,—это особенно замѣтно въ VII томѣ, но встрѣчается также и въ другихъ. И не смотря на такое широкое и внимательное пользованіе изданіемъ 1882 г., въ разбираемомъ изданіи совсѣмъ не упоминается о предшествовавшихъ изданіяхъ П. А. Ефремова, какъ будто ихъ и не было. Такое умолчаніе очень странно.

Остановлюсь теперь еще на вопросѣ весьма важномъ для критического изданія, — на варіантахъ. О нихъ предисловіе выражается такъ: «что касается варіантовъ, то, въ виду возможно правильнаго возстановленія текста,

¹⁾ Нельзя также не замѣтить, что въ разстановкѣ знаковъ препинанія г. Морозовъ тоже болѣею частью слѣдуетъ изданію 1882 г., которое иногда значительно въ этомъ отношеніи отличается отъ подлинныхъ Пушкинскихъ изданий. Мне кажется, что гдѣ возможно, т. е. въ большинствѣ случаевъ,— слѣдуетъ сохранять пушкинскую разстановку знаковъ препинанія. В. Я.

изъ числа ихъ приводятся, въ подстрочныхъ выноскахъ, лишь такие, которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ при жизни его напечатанныхъ изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобиографическое и историко-литературное..., мѣста, измѣненные или отброшенные при печатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописи и т. п.». Признаюсь, я не понимаю, почему какіе бы то ни было варианты, приведенные въ примѣчаніяхъ, могутъ мѣшать «правильному возстановленію (?) текста», — къ чему тутъ какія-нибудь ограниченія? Конечно, можно считать мелковые варианты излишними въ популярномъ изданіи Пушкина, — это другое дѣло, — но правильность текста тутъ не при чемъ. Впрочемъ, и при такомъ ограниченіи, странно мотивированномъ, остается все-таки значительное число вариантовъ, дать которыхъ обещается г. редакторъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не исполняетъ своего обѣщанія: мы почти не находимъ у него никакихъ вариантовъ. Можно было бы указать цѣлый рядъ пѣсъ, где пропущены болѣе или менѣе важные варианты, какъ изъ незачеркнутыхъ рукописей, такъ и изъ тѣхъ, «которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ, при жизни его напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій», — однимъ словомъ, такихъ, которые обѣщаны въ предисловіи; но такой списокъ былъ бы слишкомъ длиненъ; гораздо легче обратно привести списокъ тѣхъ стихотвореній, при которыхъ даны варианты; въ первомъ отдѣлѣ (лирическія стихотворенія) я замѣтилъ такихъ стихотвореній всего шесть: «Наполеонъ» (I, 253), «Элегія» (I, 255), «Piero» (I, 298), «Для береговъ отчизны дальней» (II, 119), «Полководецъ» (II, 175), «Памятникъ» (II, 190). Трудно сказать, чѣмъ руководствовался г. Морозовъ, выбирая только эти пѣсы для указанія вариантовъ и оставляя безъ вариантовъ цѣлый рядъ другихъ стихотвореній. Нѣсколько чаще встречается указаніе вариантовъ при крупныхъ произведеніяхъ, но и тутъ далеко нѣть желательной или даже обѣщанной полноты. Возьмемъ для примѣра «Е. Онѣгина». Извѣстно, что всѣ главы этого романа выходили сначала отдельно; отрывки изъ нихъ печатались раньше еще по журналамъ и альманахамъ; затѣмъ вышло полное изданіе романа въ 1833 г.; всѣ эти изданія различались между собою вариантами; были, наконецъ, еще новыя отличія и въ изданіи 1837 г. Всѣ эти варианты г. Морозовъ долженъ быть указать по прямому обѣщанію своего предисловія, но онъ этого не сдѣлалъ; вместо обѣщанного, вместо Пушкинскихъ печатныхъ вариантовъ онъ даль, на ряду съ дополненіями, довольно много черновыхъ вариантовъ, большую частью несомнѣнно откинутыхъ Пушкинымъ, т. е. не подходящихъ подъ условленное ограниченіе. Иногда у г. Морозова внесены въ текстъ «Онѣгина» первоначальные варианты, безъ указанія на позднѣйшія измѣненія и безъ оговорокъ. Такъ, третій стихъ XIX строфы главы второй у г. Морозова читается: «Она влюблялася въ романы», но это первоначальная редакція «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1826 г., въ изданіяхъ же 1826, 1833 и 1837 гг. читаемъ: «Она влюбилася»...; такъ, 12 стихъ

ХХV строфы главы четвертой напечатанъ: «Улыбкой Ольги ободренный», но это редакція первого изданія — 1829 г., а въ изданіяхъ 1833 и 1837 гг. находимъ: «Улыбкой Ольги одобренный». Или еще: г. Морозовъ печатаетъ вторую главу «Е. Онѣгина», съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыхъ сдѣланы, впервые, въ Ефремовскихъ изданіяхъ по подлинной рукописи (даже и тутъ обѣ Ефремовскому изданію не упомянуто!), но совсѣмъ этого не оговариваетъ и не указываетъ прежней печатной Пушкинской редакціи измѣненныхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, не смотря на обѣщанія, данные въ предисловіи, разбираемое изданіе такъ невнимательно отнеслось къ варианtamъ, что они просто, можно сказать, въ немъ отсутствуютъ.

Кромѣ этихъ общихъ указаний относительно того, какъ изданіе Литературного Фонда пользуется рукописями и печатными изданіями Пушкина, сдѣлаю еще нѣсколько второстепенныхъ, частныхъ замѣчаній.

Недостаточная систематичность въ пользованіи рукописями, отмѣченная выше, отразилась, между прочимъ, и на помѣтахъ. Подъ немногими пѣсами, впервые напечатанными по рукописи (о нихъ говорено выше) сдѣлана краткая ссылка на рукопись, но иногда подобная ссылка, — неизвѣстно зачѣмъ, — слѣдана при такихъ произведеніяхъ, которыхъ не только были извѣстны раньше, но въ которыхъ не внесено тутъ никакихъ измѣненій (напр. II, стр. 124, стр. 313, или V, 109). Такія помѣты тутъ могутъ лишь сбивать читателя. Напротивъ того, иногда г. Морозовъ ни помѣтой, ни словомъ не упоминаетъ о рукописи тамъ, где вносить въ прежній текстъ существенные измѣненія; напр., въ элегіи «Опять я вашъ, о, юные друзья» (I, 148), кромѣ другихъ поправокъ, на основаніи рукописи выкинуто шесть стиховъ, но обѣ этомъ ничего не сказано.

Надо еще отмѣтить, что г. Морозовъ дѣлаетъ иногда невѣрныя указанія на счетъ рукописей. Такъ, относительно пропуска въ отрывкѣ: «Мой другъ, уже три дня», онъ замѣчаетъ (I, 285): «здѣсь въ рукописи не достаетъ листа». Читатель долженъ подумать, что пропускъ очень великий, въ цѣлый листъ, а между тѣмъ у Пушкина отрывокъ этотъ набросанъ на одной страницѣ въ два столбца, пропускъ же въ срединѣ его зависитъ отъ того, что верхній уголъ страницы оторванъ (Рукопись № 2366, л. 8, см. «Русскую Старину», 1884 г., май, стр. 326. Описаніе рукописей Пушкина въ Румянцевскомъ музѣѣ). Еще подобный примѣръ: г. Морозовъ говоритъ (I, 319), что наброски поэмы и драмы «Вадимъ» сохранились въ рукописяхъ Румянцевского музея, а между тѣмъ, по упомянутому сейчасъ описанію этихъ рукописей, въ нихъ находятся только отрывки драмъ и программы (поэмы), а самого наброска поэмы нѣтъ. Конечно, это мелочи, но г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, согласится, что и такія мелкія ошибки нежелательны, что рукописями Пушкина слѣдуетъ пользоваться со всевозможной точностью.

Относительно правильности хронологического распределенія нѣкоторыхъ

произведеній, принятаго въ разбираемомъ изданіи, можно иногда сомнѣваться, но во всякомъ случаѣ никакъ нельзя было помѣщать подъ 1822-мъ годомъ программу «Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь» и проч. (II, стр. 820); эта программа находится въ одной тетради съ «Арапомъ Петра Великаго» (1827 года). Можно ли также относить къ 1820 году набросокъ «И чувствую, душа моя» (I, 232), когда онъ находится въ тетради 1829 года и имѣть отношенія къ другимъ произведеніямъ этого времени?

Подъ пѣсой «Свободы сѣятель пустынныій» г. Морозовъ выставилъ помѣту — «1-го декабря». Дѣйствительно, это стихотвореніе находится въ письмѣ Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г., но Пушкинъ говоритъ въ письмѣ объ этихъ стихахъ, что онъ ихъ «написалъ на дняхъ»; такимъ образомъ подъ стихами невозможно выставлять «1-го декабря», помѣту письма: они относятся къ концу ноября. Вообще надо замѣтить, въ разбираемомъ изданіи помѣты нерѣдко пропущены или переданы неточно, не вполнѣ, — наприм., въ нихъ иногда недостаетъ указанія года или мѣста тамъ, где въ рукописи оно есть. Подъ однимъ очень небольшимъ стихотвореніемъ: къ Аглаѣ (1821 г.), находимъ странную помѣту: «февраль — мартъ». Неужели оно такъ помѣчено въ рукописи Публичной библіотеки? Кажется, вѣрнѣе, что это догадка редактора; во всякомъ случаѣ, такую помѣту слѣдовало оговорить. Подъ 1820 годомъ стихи Чаадаеву, помѣченные «Съ морскаго берега Тавриды», должны, конечно, быть помѣщены раньше Неренды и «Рѣдѣеть облаковъ»..., двухъ шѣсъ, помѣченныхъ «Каменка», а не послѣ ихъ, какъ это сдѣлано г. Морозовымъ: Пушкинъ въ Каменкѣ былъ послѣ Крыма.

Въ концѣ 1825 года помѣщены вмѣстѣ «Пѣсни, записанныя Пушкинымъ», и въ числѣ ихъ находимъ двѣ, которая не сомнѣнно сочинены, а не записаны Пушкинъ: 1) «Только что на проталинахъ весеннихъ» и 2) «Черный воронъ выбиралъ блѣдую лебедушку».

Предисловіе указываетъ, что въ примѣчаніяхъ объяснены, между прочимъ, заимствованія и подражанія Пушкина. Это очень важный и очень интересный вопросъ, который — замѣчу кстати — требовалъ бы специального изслѣдованія; дать въ примѣчаніяхъ подобныя указанія — дѣло очень полезное (ср. ниже, объ изданіи г. Поливанова); но только при опредѣленіи этихъ подражаній и заимствованій надо наблюдать строгую мѣру, большую осторожность. Г. Морозовъ, между прочимъ, указываетъ (II, 338), будто описание гарема ночью въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ заимствовано Пушкинъ у Байрона, изъ шестой пѣсни Донъ-Жуана; это указаніе совершенно невѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій Фонтанъ написанъ въ 1822 году, а шестая пѣсня Донъ-Жуана издана только въ слѣдующемъ 1823 году. Такимъ образомъ, сходство въ описаніи гаремовъ у обоихъ поэтовъ случайное, т. е. зависящее отъ общности сюжета. Этотъ примѣръ хорошо показываетъ, съ какою осмотрительностью надо дѣлать подобныя предположенія и сравненія. Не будь хронологического противорѣчія,

указание г. Морозова могло бы, пожалуй, получить общее признаніе, и тогда стали бы, можетъ быть, еще обвинять Пушкина въ умышленномъ запирательствѣ, такъ какъ онъ въ своей перепискѣ не разъ повторяетъ, что знаетъ только первыя пять пѣсенъ «Донъ-Жуана».

Вотъ еще ошибка въ этомъ отдѣлѣ примѣчаній: на стр. 371, тома I-го, напечатанъ отрывокъ—«Начало I-й пѣсни Дѣственницы», и тутъ же замѣчено: «первые 17 стиховъ этого отрывка представляютъ довольно близкій переводъ начала поэмы Вольтера—*Ricelle d'Orleans*. Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ самому Вольтеру». Послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ весь отрывокъ переведенъ изъ Вольтера, въ концѣ же его не Пушкинъ насмѣшиливо обращается къ Вольтеру, а Вольтеръ къ Шапелену, поэту XVII вѣка, который воспѣлъ Орлеанскую Дѣву въ двадцати четырехъ пѣсняхъ.

Особенность разбираемаго изданія составляетъ его расположение. Всѣ стихотворенія Пушкина раздѣлены на два отдѣла—мелкихъ и крупныхъ произведеній. Такое раздѣление, стало быть, основывается лишь на принципѣ удобства для читателей, а не на эстетическихъ требованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ многие критики осуждали Пушкинское хронологическое распределеніе пѣсъ, когда оно, послѣ долгаго забвенія, было возстановлено въ изданіи 1880 года; критики тогда находили крайне, наприм., неприличнымъ непосредственное сосѣдство графа Нулина съ Борисомъ Годуновымъ, въ изданіи же литературного фонда они какъ разъ находятся рядомъ, такъ какъ въ отдѣлѣ крупныхъ произведеній сохраняется хронологический порядокъ. Но если разбираемое изданіе приняло свою систему въ видахъ удобства для читателей, то оно при этомъ сдѣлало очень существенную ошибку въ раздѣленіи томовъ, такъ какъ читателямъ могло бы казаться удобнымъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ томѣ всѣ мелкія пѣсы поэта, а между тѣмъ тутъ именно этого-то и нѣтъ: первый отдѣлъ занимаетъ весь первый томъ и часть втораго тома, крупная же произведенія составляютъ часть втораго тома и весь третій; объемъ томовъ нисколько не мѣшаль изъ первого отдѣла составить одинъ томъ, а второй отдѣлъ разбить на два пѣльныхъ тома; теперь же, при существующемъ дѣленіи на томы, при помѣщеніи указателя лишь въ третьемъ томѣ, почти все удобство, которое можно признавать за дѣленiemъ на два отдѣла, пропадаетъ. Для того, чтобы отыскать какое нибудь мелкое стихотвореніе въ разбираемомъ изданіи, читатель все-таки долженъ взять всѣ три первыя тома: въ указателѣ третьаго тома найти заглавіе искомой пѣсни, а затѣмъ отыскать ее въ первомъ или во второмъ томѣ.

VII томъ составленъ, какъ и въ изданіи 1882 года, изъ писемъ Пушкина, которыя здѣсь дополнены всѣми напечатанными послѣ 1882 года и семейною перепискою. Письма здѣсь расположены въ хронологическомъ порядке, каждый годъ отдѣльно: объ этомъ я тоже буду говорить дальше.

Очень удобно, что въ разбираемомъ изданіи примѣчанія слѣдуютъ непосред-

ственno за каждой п'есой, такъ что они на глазахъ у читателя, а не скрыты въ концѣ тома. Большое удобство представляютъ также указатели, составленные г. Морозовымъ: кромѣ обычнаго алфавита заглавій, онъ даетъ еще указатель хронологический и указатель лицъ и предметовъ (недостаточно, впрочемъ, полные).

Къ изданию литературного фонда приложены три портрета; изъ нихъ двиѣ известны: хорошая копія съ гравюры Гейтмана и плохая съ гравюры Уткина; третій портретъ—неудовлетворительная фототипія съ карандашнаго портрета, нарисованнаго въ 1820 году Жюлемъ Вернэ; къ сожалѣнію, мы не узнаемъ изъ предисловія никакихъ больше подробностей объ этомъ портретѣ. При Пугачевскомъ бунтѣ (VI томъ) находятся всѣ Пушкинскія приложения.

Издание литературного фонда было обставлено очень серьезно: за нимъ наблюдала особая комиссія, имѣвшая въ своемъ составѣ авторитетныхъ специалистовъ; подробная программа издания была разсмотрѣна и одобрена отдѣлениемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ; наконецъ, самая редакція текста и составленіе примѣчаній были поручены лицу, уже известному своими работами по русской литературѣ. При подобныхъ условіяхъ отъ издания можно требовать многаго, очень многаго; поэтому-то о такомъ изданіи, обѣ его недостаткахъ и можно сдѣлать строгія замѣчанія. Наконецъ, я позволилъ себѣ остановиться подробнѣе на иныхъ, даже болѣе мелкихъ, промахахъ разбираемаго издания потому, что оно, совершенно понятно, пользуется теперь особымъ авторитетомъ, послужило уже и еще будетъ служить образцомъ и материаломъ для другихъ изданий (см. наприм., ниже, обѣ изданія Марекуева, Сытина), такъ что всякая отдѣльная поправка къ нему можетъ имѣть близкое практическое значеніе. Но само собою разумѣется, что я не могу задаваться въ этой статьѣ цѣлью систематически указать всѣ ошибки разбираемаго издания: я отмѣчалъ общія черты, указывалъ отдѣльные, характерные примѣры.

Хотя указанные выше промахи и ошибки въ общемъ всѣ существеннаго характера, но все-таки они не лишаютъ разбираемаго издания его достоинствъ. Оно исправило и дополнило Пушкинскій текстъ (особенно посмертный) на основаніи рукописей, причемъ нѣкоторыя дополненія и поправки явились здѣсь впервые. Напечатано изданіе, если не великолѣпно, то все-таки пріятно, на удовлетворительной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ красивомъ форматѣ. По внешности изданіе это, уступая прежнимъ, лучше всѣхъ новыхъ изданий.

2. А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій. Издание В. В. Комарова, подъ редакцію П. А. Ефремова. Семь томовъ, цѣна три рубля.

П. А. Ефремовъ, давно извѣстный своими изданіями русскихъ писателей XVIII и XIX вѣка, два раза уже редактировалъ сочиненія Пушкина. Его первое изданіе 1880 года (Исааковское) надѣлало шуму: г. Ефремовъ впервые въ немъ отмѣтилъ ошибки и неточности Анненковскаго изданія; это было серьезныемъ событиемъ въ исторіи Пушкинского печатнаго текста, и въ этомъ одномъ уже немаловажная заслуга г. Ефремова. Издание 1882 года (Ѳ. И. Анскаго, въ Москвѣ) имѣло весьма важную особенность: оно впервые дало собраніе писемъ Пушкина. Для обоихъ изданий г. Ефремовъ внимательно изучалъ печатный Пушкинскій текстъ, воспользовавшись также извѣстнымъ числомъ рукописей поэта, какъ хранящихся въ публичной библіотекѣ, такъ и находящихся въ частныхъ рукахъ; благодаря этому, ему удалось внести въ Пушкинскій текстъ немало поправокъ и даже дополненій. Но, къ сожалѣнію, въ его изданіяхъ были допущены неточности, опечатки: часть ихъ указана выше, когда говорилось о повтореніи ихъ въ изданіи литературнаго фонда.

Г. Ефремовъ тщательно внесъ теперь въ свое новое, Комаровское, изданіе всѣ поправки и дополненія, которыхъ явились въ печати съ 1882 года. За этотъ періодъ времени черновыя рукописи Пушкина сдѣлались общедоступными въ Румянцовскомъ музѣѣ; обширныя извлечения изъ нихъ, дополнявшия и исправлявшія прежній печатный Пушкинскій текстъ, были сообщены въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ». Г. Ефремовъ внимательно и вполнѣ воспользовался этими сообщеніями; самому ему, къ сожалѣнію, не пришлось заняться рукописями Пушкина въ Румянцовскомъ музѣѣ. Въ этомъ отношеніи изданіе литературнаго фонда имѣть несомнѣнное преимущество: мы видѣли, что г. Морозовъ извлекъ изъ московскихъ рукописей новыя дополненія и поправки. Но такъ какъ, съ одной стороны, главный матеріалъ этихъ рукописей былъ болѣе или менѣе исчерпанъ въ обширныхъ сообщеніяхъ «Русской Старины», а съ другой, г. Морозовъ, какъ замѣчено было выше, не воспользовался всѣми оставшимися въ рукописяхъ данными, то по общему числу и важности поправокъ, внесенныхыхъ въ текстъ противъ изданія 1882 года, изданіе Комарова мало уступаетъ изданію литературнаго фонда; другими словами, если сравнить Комаровское изданіе съ изданиемъ 1882 года, разница окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ между Комаровскимъ изданиемъ и изданиемъ литературнаго фонда. Конечно, новые дополненія г. Морозова, составляющія отличие его изданіе отъ изданія Комаровскаго, имѣютъ немаловажное значеніе, являясь въ первый разъ; но за то у г. Ефремова, въ Комаровскомъ изданіи, есть нѣкоторыя дополненія, которыхъ хотя и были напечатаны

раньше, пропущены у г. Морозова; такъ, въ изданіи послѣдняго нѣтъ писсень о Стенкѣ Разинѣ, т. е. не тѣхъ, которыхъ записаны, а которыхъ сочтены Пушкинныемъ (въ Комаровскомъ изданіи, II т., стр. 117); или не хватаетъ приписки въ письмѣ къ Нащокину (о чёмъ было сказано уже выше; ср. изд. литературного фонда VII, 405, и изд. Ком. VII, 419); или еще, въ письмѣ къ Я. Н. Толстому тоже пропущена приписка (ср. изд. Л. Ф., VII, 40, съ изд. Ком., VII, 143), которую г. Морозовъ долженъ былъ знать и по рукописи, и изъ «Русской Старины» (1884 г., декабрь, стр. 576).

Г. Морозовъ самъ занимался по черновымъ тетрадямъ поэта, это большое преимущество; отъ этого текстъ его изданія полнѣе и точнѣе; но и изданіе г. Ефремова явилось въ достаточной полнотѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что по экономическимъ соображеніямъ для дешевизны цѣны (7 томовъ въ 8°—3 р.), въ Комаровскомъ изданіи изъ Джона Теннера и изъ записокъ Моро-де-Бразе помѣщены только предисловія. Точно также, французскія письма помѣщены лишь въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторыя изъ ошибокъ прежняго изданія г. Ефремова устраниены въ новомъ: знакъ, что г. Ефремовъ снова работалъ по подлинному печатному пушкинскому тексту.

Особенность прежнихъ Ефремовскихъ изданій составляло общее хронологическое распределение всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ стихотворныхъ произведений Пушкина, въ новомъ изданіи эта особенность сохранена съ тѣмъ ограниченіемъ (какъ это уже было и въ изданіи 1882 года), что черновые наброски отнесены въ конецъ каждого тома. Я попрежнему считаю, что это общее хронологическое Пушкинское распределеніе стихотвореній — самое лучшее. Письма у г. Ефремова и теперь, какъ въ изданіи 1882 года, расположены не хронологически, а по лицамъ, къ которымъ писаны. Такой порядокъ мнѣ кажется тоже болѣе удобнымъ. Съ одной стороны письма къ одному лицу (наприм., къ женѣ) нерѣдко представляются у Пушкина нѣчто цѣлое, такъ что ихъ и удобно, и пріятно имѣть въ одномъ мѣстѣ, а съ другой для читателя (не для изслѣдователя) вообще, кажется, интереснѣе читать письма по лицамъ, а не по годамъ. Но правда, что для справокъ хронологическое распределеніе писемъ лучше. Вообще надо, кажется, быть довольнымъ, что г. Морозовъ и г. Ефремовъ различнымъ образомъ расположили письма Пушкина, и мы имѣмъ теперь ихъ собраніе и по времени, и по лицамъ.

Нельзя не пожалѣть, что въ Комаровскомъ изданіи нѣтъ прежнихъ примѣчаній г. Ефремова, струпировавшаго въ нихъ не мало интересныхъ данныхъ.

Къ Комаровскому изданію приложены шесть портретовъ Пушкина; между прочимъ, при II томѣ находится снимокъ съ портрета, рисованного Вернэ, но только портретъ этотъ крупнѣе, чѣмъ приложенный при изданіи литературного фонда (каковъ же размѣръ подлинника?), имя художника не названо, а самый портретъ отнесенъ къ 1821 г. (въ изданіи литературного фонда къ 1820 г.). Жаль, что и у г. Ефремова мы не находимъ никакихъ подробностей объ

этомъ портретѣ. Всѣ портреты Пушкина въ разбираемомъ изданіи исполнены неудовлетворительно: вмѣсто шести неудачныхъ политипажныхъ портретовъ Пушкина лучше было бы приложить одинъ хороший. Нельзя не пожалѣть, что ни въ одномъ изъ новыхъ изданій Пушкина не повторенъ замѣчательный портретъ работы Райта, появившись впервые при изданіи 1882 года.

При первомъ томѣ Комаровскаго изданія помѣщена небольшая біографія Пушкина, составленная г. П. П. Карагатыгинымъ по его-же извѣстнымъ очеркамъ, напечатаннымъ раньше въ «Русской Старинѣ». Біографія написана живо, не смотря на краткость, но некоторые факты передаются въ ней не совсѣмъ точно.

Издание г. Комарова напечатано хорошо, четкимъ шрифтомъ (не вездѣ чисто), на порядочной бумагѣ и, при дешевой цѣнѣ, представляетъ вполнѣ приличную внешность.

Первое изданіе г. Комарова пустилъ въ продажу (оно раскуплено было у него въ первый-же день), а затѣмъ рядъ послѣдующихъ изданій (безъ всякихъ измѣнений) онъ разсылаетъ желающимъ изъ подписчиковъ своей газеты «Свѣтъ».

3. Сочиненія А. С. Пушкина. Издание А. С. Суворина. 10 томовъ. Цѣна 1 р. 50 к.

— Тоже, изданіе второе, исправленное и дополненное.

Въ печати уже достаточно извѣстна исторія этого изданія, по отношенію къ изданию Литературнаго Фонда, такъ что на ея подробностяхъ я остановлюсь не буду. Вкратцѣ все дѣло въ томъ, что значительная часть изданія г. Суворина напечатана съ корректуръ Литературнаго Фонда¹⁾), не только со всѣми поправками, внесенными въ текстъ впервые въ этомъ изданіи, но и со всѣми его опечатками и ошибками. Для насъ въ этомъ дѣлѣ любопытно заявленіе А. С. Суворина, что онъ самъ за своимъ изданіемъ не слѣдилъ, а такъ какъ кромѣ него отвѣтственнаго редактора не имѣется, то оказывается, что издательская фирма г. Суворина печатала полное собраніе сочиненій Пушкина, не только не имѣя болѣе или менѣе авторитетнаго редактора, а просто предоставивъ все дѣло совмѣстному решенію корректора и метранпажа. Такое отношеніе къ изданію представляется весьма страннымъ, и въ результатѣ его было то, что одна часть изданія была напечатана по чужимъ корректурамъ, а другая, по старому, совсѣмъ не исправленному тексту. Такъ все это изданіе и можно раздѣлить на два разные отдѣла: къ одному принадлежать мелкія піэсы, Е. Онѣгинъ, и значительная часть прозы,—все это напечатано по корректурамъ г. Морозова, со всѣми его дополненіями и поправками, которыя

¹⁾ Издание Литературнаго Фонда печаталось въ типографіи А. С. Суворина.
В. Я.

онъ сдѣлалъ, а также, понятно, и съ точнымъ воспроизведеніемъ ошибокъ и опечатокъ; ко второму отдѣлу относится большая часть крупныхъ произведений и остальная проза; этотъ отдѣлъ напечатанъ по тексту 1882 года, т. е. безъ позднѣйшихъ поправокъ или дополненій, такъ что, напр., остались неисправленными Борисъ Годуновъ, Каменный Гость, Русалка и многое, многое другое. Есть, однако, очень немного вещей, которыя были исправляемы не по корректурѣ г. Морозова, а самостоителю, но за то, большую частью, и не вполнѣ точно. Самодѣятельность безыменнаго редактора сказалась еще въ томъ, что въ изданіе внесены изъ «Чтений московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» не принадлежащій, повидимому, Пушкину переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», при чемъ текстъ не только не исправленъ по рукописи (хотя на сильныя неточности его было указано въ печати), но даже и не вставлены пропущенные пять стиховъ, которые приведены были въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 года.

Самостоятельность разбираемаго изданія проявилась также въ распределѣніи произведеній Пушкина по томамъ, главнымъ образомъ въ распределѣніи мелкихъ пѣсъ. Въ предисловіи (неизвѣстно кѣмъ оно написано, кѣмъ составленъ планъ изданія; предисловіе говоритъ отъ лица издательской фирмы «мы»), читаемъ: «мелкія стихотворенія мы раздѣлили па три тома, руководствуясь отчасти Бѣлинскимъ въ его разборѣ Пушкина. Въ третій томъ нашего изданія вошли тѣ стихотворенія первыхъ лѣтъ, которыя или самъ Пушкинъ печаталъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій, или вообще указываются, какъ лучшія, или же—хотя иногда и несправедливо—пользуются особеною извѣстностью. Въ этотъ же томъ вошли всѣ стихотворенія до 1826 года, когда дарованія Пушкина не выработались еще до полной самостоятельности (!?). Лучшія вещи этого періода мы перенесли въ четвертый томъ нашего изданія, въ которомъ помѣщены всѣ стихотворенія, которыя Пушкинъ написалъ послѣ 1826 г., кроме нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ,—или мы дополнимъ третій томъ. Въ четвертый томъ нами выбраны эпиграммы, не имѣющія личнаго характера, или же сильнымъ и рѣзкимъ оборотомъ мысли получившія общую извѣстность. Всѣ стихотворные отрывки и варианты мы собрали въ концѣ треть资料的 тома». Десятый томъ составленъ изъ стихотвореній лицейскихъ и до 1819 г. Вотъ какая странная система! Въ основу дѣленія на томы положена какъ будто хронологія: 1) лицейскія стихотворенія; 2) стихотворенія до 1826 г., и 3) стихотворенія послѣ 1826 г.; но при этомъ прямо сказано, что по оцѣнкѣ достоинства пѣсъ (цѣнителемъ былъ все тотъ же безыменный редакторъ изъ служащихъ въ типографіи), онѣ переносятся произвольно изъ тома въ томъ, такъ что хронологія тутъ не при чемъ. И эта оцѣнка или расцѣнка произведена очень странно и небрежно. Такъ, въ IV томъ попало нѣсколько черновыхъ, совершенно неоконченныхъ, набросковъ, которые при томъ же отчасти относятся ко времени до 1826 г., т. е. въ

IV томъ могли почасть только по своему особенному художественному значенію, ставящему ихъ гораздо выше остальныхъ произведеній Пушкина того времени; таковыми, по мнѣнію безыменного редактора, напр., оказались отрывочныя четверостишия 1824 г.: «Два чувства равно близки къ намъ», «Забыть и прощу и свободу», «Дитя, ие смѣю надѣть тобой» (IV, стр. 140); или, напр., тутъ-же находимъ стихотвореніе «Роза» («Гдѣ наша роза?»—IV, стр. 137), маленькую бездѣлку 1815 г., надѣ которой самъ Пушкинъ отмѣтилъ у себя въ тетради: «не надо». Повидимому, безыменному редактору эта піеса показалась достойною занять мѣсто въ ряду лучшихъ стихотвореній той эпохи, «когда дарованіе Пушкина выработалось до полной самостоятельности». Вообще IV томъ на одну треть состоитъ изъ произведеній до 1826 г.; съ другой стороны, не мало отличныхъ позднихъ произведеній отнесено въ III томъ. Разбирая стихотворенія Пушкина съ такою строгою и своеобразною критикою, безыменный редакторъ сортируетъ ихъ вполнѣ по своему произволу,—піесы, написанные въ одно время и стоящія въ связи другъ съ другомъ, притомъ нисколько не различающіяся по достоинству,—попадаютъ въ разные томы. Этого мало: піесы каждого тома размѣщаются опять совершенно произвольно. Хронологія соблюдена въ X томѣ, но ни въ III, ни особенно въ IV томѣ на нее не обращено ни малѣшаго вниманія, и всѣ піесы перемѣшаны и перетасованы безъ всякой системы, безъ толку и смысла (и безъ указанія годовъ). Для всякаго читателя хронологическій порядокъ особенно мелкихъ лирическихъ произведеній Пушкина очень важенъ; онъ чрезвычайно удобенъ для отысканія той или другой піесы: при чтеніи всякой легко и невольно запоминается до нѣкоторой степени хронологическую послѣдовательность стихотвореній, изъ которыхъ многія имѣютъ такую тѣсную связь съ біографіей Пушкина, болѣе или менѣе известной каждому читателю; такимъ образомъ, читатель легко потомъ находить разныя искомыя стихотворенія; не говорю уже о томъ, насколько, съ другой стороны, важнымъ и поучительнымъ поясненіемъ біографіи и личности поэта являются стихотворенія его, расположенные хронологически. Нельзя не удивляться, къ чему безыменному редактору понадобилось устроивать такое болѣе, чѣмъ странное смѣщеніе! Переимѣшавъ стихотворенія Пушкина безъ всякой системы и цѣли, онъ еще нашелъ излишнимъ выставлять при каждой піесѣ ея годъ; правда, къ изданію, по примѣру г. Морозова, приложенъ подробный хронологическій перечень, но какъ буду я искать въ этомъ погодномъ перечинѣ хотя «Розу», напечатанную съ лучшими стихотвореніями 1830-хъ годовъ и относящуюся къ 1815 году! Такая система или такая беспистемность въ расположениіи стиховъ поражаетъ своею полной бездѣльностью.

Не буду дѣлать подробныхъ указаний на отдѣльныя ошибки этого изданія,—ихъ очень не мало, и это слишкомъ бы насъ задержало. Довольно сказать, что оно повторило много ошибокъ и опечатокъ изъ изданія Литературнаго Фонда, да прибавило къ нимъ еще своихъ вдвое или даже втрѣ.

Къ разбираемому изданию приложены портреты Пушкина и его родныхъ (исполненные довольно плохо и не всегда вѣрно), нѣсколько видовъ (отмѣчу курьезъ: домъ Пушкина въ Кишиневѣ, благодаря ошибкѣ съ цинкографіей, представленъ навыворотъ, т. е. какъ бы въ зеркалѣ), нѣсколько снимковъ съ рукописей въ уменьшенномъ видѣ; выборъ этихъ снимковъ далеко не удаченъ, при томъ же если еще уменьшеніе рисунковъ не лишаетъ ихъ значенія, то уменьшонное факсимиile рукописи не имѣть смысла: такъ Пушкинъ никогда не писалъ, эти снимки не даютъ никакого понятія объ его почеркѣ. Находящаяся при первомъ томѣ «біографія А. С. Пушкина» представляетъ разсказъ краткій, безсодержательный и неточный,—въ такомъ видѣ она ни для кого не нужна; гораздо было бы лучше дать просто полныи хронологическій перечень событий изъ жизни Пушкина, что имѣло бы большое значеніе, особенно бы при хронологическомъ расположениіи стихотвореній.

Внѣшность издания не совсѣмъ пріятная, не совсѣмъ опрятная, хотя напечатано оно крупно и четко. Существенный недостатокъ: издание сброшюровано такъ скверно, что его стоитъ только перелистовать, чтобы оно разлетѣлось по листкамъ. Второе издание сброшюровано хорошо.

Первое издание фирмы Суворина разошлось въ нѣсколько дней (15,000 экз.); теперь вышло уже второе издание, «исправленное и дополненное» (30,000 экз.); конечно, эти исправленія и дополненія указываютъ на недостатки первого издания, такъ какъ новыхъ открытій безъимменный редакторъ сдѣлать не могъ, такъ какъ новыхъ сообщеній по рукописямъ въ промежутокъ между двумя изданіями сдѣлано было очень немного.

Безъимменная редакція заявляетъ, что во второмъ издании «распределеніе по томамъ нѣсколько измѣнено»; къ сожалѣнію, эти измѣненія ничего не значутъ: нѣсколько стихотвореній, по новому капризу, перенесены изъ III тома въ IV или обратно («Роза», о которой говорено выше, все-таки остается въ IV томѣ); прежняя безсистемность остается въ полной силѣ и попрежнему дѣлаетъ издание совершенно неудобнымъ, лишаетъ его значенія. Можно только одобрить перенесеніе изъ III тома въ I черновыхъ дополненій къ разными поэмамъ. Надо еще замѣтить, что Суворинское издание отличается значительною осторожностью; въ немъ, напр., совсѣмъ нѣть оды «Вольность», «Кинжалъ», т. е. того, что находимъ въ другихъ такихъ-же дешевыхъ изданіяхъ; вѣроятно, этою же осторожностью объясняется и то, что второе издание перенесло въ X томъ «Посланіе въ Сибирь» (1827 г.), хотя по времени и по извѣстности эта пѣса должна была бы находиться въ IV томѣ.

Въ черновыхъ дополненіяхъ къ Евгению Онѣгину второе издание фирмы г. Суворина воспользовалось новыми сообщеніями, которыя даны въ отдельномъ издании Московскаго общества любителей россійской словесности; но издание фирмы г. Суворина не обратило никакого вниманія на поправки, внесенные московскимъ изданиемъ въ самыи текстъ романа на основаніи подлиннаго

печатнаго Пушкинскаго текста, и повторяетъ всѣ прежнія ошибки (см., напр., выше ошибки, указанныя въ «Евгениі Онѣгінѣ» по изданію Литературнаго Фонда). Или еще: «Русалка» во второмъ Суворинскомъ изданіи осталась неисправленною попрежнему, «Каменный гость» исправленъ не вполнѣ, тоже «Арапъ Петра Великаго» и «Египетскія ночи»; «Дубровскій» не исправленъ окончательно по изданію Литературнаго Фонда, также «Исторія села Горохина»; совсѣмъ по-прежнему неисправлены всѣ наброски повѣстей и т. д. Вообще улучшенія являются тутъ случайными и все изданіе, какъ оно поставлено, не можетъ, при отсутствіи самостоятельнаго редактора, внушать довѣрія. Надо прибавить, что второе изданіе выходило довольно медленно по томамъ, и безымянная редакція имѣла довольно времени на исправленія.

4. а) Сочиненія А. С. Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова, выполненное подъ редакціей А. М. Скабичевскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

б) То-же, въ восьми томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Тоже, изданіе второе, въ одномъ томѣ или въ десяти томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Надо отдать справедливость г. Ф. Павленкову: онъ проявилъ много энергіи и предпріимчивости при изданіи сочиненій Пушкина. Напечатавъ ихъ въ одномъ томѣ большаго формата, въ два столбца, онъ разбилъ каждый столбецъ на двѣ страницы и напечаталъ то-же собраніе въ восьми маленькихъ томикахъ,пустивъ каждый изъ нихъ въ отдѣльную продажу. Затѣмъ г. Павленковъ еще варьировалъ эти изданія, выпустивъ ихъ на разныя цѣны,—на простой и на лучшей бумагѣ, въ переплѣтѣ и безъ переплѣта, а однотомное изданіе еще—съ картинами и безъ картинъ; далѣе, онъ съ того-же набора сдѣлалъ болѣе сорока отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, давъ также томъ мелкихъ стихотвореній, томъ поэмъ, томъ драмъ и т. д., и т. д. Наконецъ, онъ выпустилъ отдѣльнымъ альбомомъ картины къ Пушкину.

Выказавъ такую издательскую предпріимчивость, г. Павленковъ позабо-тился и о текстѣ своего изданія, поручивъ его редакцію извѣстному писателю А. М. Скабичевскому, т. е. и въ этомъ отношеніи г. Павленковъ сдѣлалъ, что могъ, и не его вина, что г. Скабичевскій оказался, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворительнымъ редакторомъ сочиненій Пушкина.

Довольно обстоятельная біографія Пушкина, приложенная г. Скабичевскимъ къ изданію, составлена хорошо (хотя въ ней есть ошибки—напр., говорится, что «На выздоровленіе Лукулла» написано на выздоровленіе гр. Уварова, отъ чего весь послѣдующій разсказъ объ этомъ стихотвореніи лишается смысла—и хотя со многими положеніями г. Скабичевскаго нельзя согла-ситься), но, какъ редакторъ Пушкинскаго текста, А. М. Скабичевскій не сдѣлалъ ничего. Выше достаточно было говорено уже о необходимости поль-зоваться подлинными изданіями и, по возможности, рукописями поэта.

Г. Скабичевскій въ этомъ отношеніи совершенно ничего не объясняетъ намъ въ своемъ предисловіи, какъ и чѣмъ онъ пользуется; заявляетъ только, что его изданіе «не имѣть въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, назначается исключительно для публики»; но наврядъ ли это обстоятельство,—желаніе дать популярное изданіе,—можетъ оправдывать редакторскій пріемъ г. Скабичевскаго. Пріемъ этотъ до крайности простъ. Редактору нѣтъ дѣла ни до рукописей поэта, ни до подлиннаго печатнаго его текста. Онъ просто беретъ изданіе 1882 г. и перепечатываетъ его, выпуская нѣкоторыя вещи. Выше было уже сказано, насколько текстъ изданія 1882 г. требовалъ исправлений и дополненій на основаніи рукописей или хоть на основанії тѣхъ сообщеній, которыхъ за послѣдніе годы были сдѣланы въ печати изъ этихъ рукописей. Разбираемое изданіе обѣзъ этомъ нисколько не заботится. Я замѣтилъ въ немъ всего три дополненія къ тексту 1882 г., все въ лицейскихъ стихотвореніяхъ,—дополненія, все крупные, въ десятки стиховъ; но затѣмъ, все остальные дополненія, и крупные, и мелкие, все поправки, часто очень существенные, все это—сообщенное давно уже въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ», оставлено редакторомъ разбираемаго изданія безъ всякаго вниманія, такъ что весь посмертный текстъ Пушкина повторенъ тутъ со всѣми страшными искаженіями, съ невозможными пропусками, какъ онъ печатался прежде. Особенно искалечена была посмертными издателями проза Пушкина, и все это такъ и напечатано въ разбираемомъ изданіи: въ «Арапѣ Петра Великаго», не говоря уже о другихъ ошибкахъ, такъ и осталась кормилица вѣсто карлицы; въ наброскахъ для «Египетскихъ ночей» два отрывка попрежнему перепутаны другъ съ другомъ; не исправлены «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», «Альма нашникъ», «Разговоръ» и т. д. Этого мало: «Дубровскій» почему-то напечатанъ по тексту 1880 г., т. е. даже безъ исправлений и дополненій изданія 1882 г. Такимъ образомъ, вообще редакторъ разбираемаго изданія вовсе и не подумалъ о необходимости исполнить тотъ не малый редакторскій трудъ, который выполненъ П. А. Ефремовымъ (не говоря уже о П. О. Морозовѣ, занимавшимся по рукописямъ), отъ котораго не отказался и г. Л. Поливановъ даже для школьнаго изданія (см. ниже).

Не обративъ никакого вниманія на поправки и дополненія изъ рукописей, разбираемое изданіе совершенно пренебрело подлиннымъ печатнымъ текстомъ Пушкина. Выше было упомянуто обѣ ошибкахъ и неточностяхъ въ изданіи 1882 г.; разбираемое изданіе сохранило ихъ все неприосновенными, возстановивъ только пропущенный стихъ въ «Евгениѣ Онѣгина»; но для того, чтобы замѣтить, что въ строфѣ Онѣгина не хватаетъ четырнадцатаго стиха, конечно, не надо много изслѣдований; все же остальные ошибки текста съ точностью воспроизведены въ разбираемомъ изданіи. Этого мало: въ немъ повторены иногда простыя опечатки изданія 1882 г., хотя бы онъ нарушили даже размѣръ стиха, какъ, напр., въ «Лицейской годовщинѣ 1825 года», въ 7-й строфи:

Непоколебимъ, свободенъ и безпеченъ (должно быть: неколебимъ) и т. п.

При такихъ премахъ редакторской работы и при такомъ тщательномъ воспроизведеніи чужихъ опечатокъ не можетъ быть и рѣчи ни о полнотѣ, ни о точности текста.

Нельзя обойти молчаниемъ слѣдующаго странного факта. Въ изданіи 1882 г., при лицейскихъ запискахъ Пушкина (V, 1) сдѣлано нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ въ третьемъ лицѣ, онъ называется «поэтъ». Не смотря на это, разбираемое изданіе, помѣстивъ эти примѣчанія вслѣдъ за записками, дало имъ особое заглавіе: «примѣчанія Пушкина»! А. М. Скабичевскій оговорился въ предисловіи, что опускаетъ въ своеи изданіи нѣкоторыя прозаическія малоинтересныя вещи, нѣкоторыя примѣчанія Пушкина, а изъ стихотвореній лишь безсвязные варианты. Я не буду входить въ разборъ можно ли было опустить то или другое, но укажу на слѣдующій странный фактъ: пропущены вовсе не одни «бессвязные варианты», а цѣлый рядъ болѣе или менѣе длинныхъ, законченныхъ стихотвореній, какъ-то: «Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ», посланіе Гнѣдичу: «Въ странѣ, гдѣ Юлій вѣнчанный», посланіе къ Вигелю, къ Вяземскому, и такихъ пропусковъ много. Отчего же они зависѣли? Отъ совершенно случайного обстоятельства. Въ изданіи 1882 г. многія стихотворенія были помѣщены при письмахъ, къ которымъ они имѣютъ отношеніе, въ VII томѣ, и большинство такихъ піесъ, во избѣжаніе повтореній, не были еще разъ напечатаны въ отдѣлѣ стихотвореній. Г. Скабичевскій не внесъ въ свое изданіе переписку Пушкина; поэтому, когда онъ взялъ изданіе 1882 г., чтобы перепечатать его, онъ просто откинулъ VII томъ, не обративъ вниманія на то, что онъ при этомъ откидывается и рядъ стихотвореній, напечатанныхъ съ письмами: такъ разбираемое изданіе и обошлось безъ нихъ.

Въ своемъ предисловіи А. М. Скабичевскій говорить о неудобствахъ хронологического распределенія даже мелкихъ стихотвореній Пушкина, такъ какъ для отысканія какой-либо піесы при хронологическомъ порядкѣ большинству читателей каждый разъ приходится перерывать все изданіе (г. Скабичевскій забываетъ объ указателяхъ). Поэтому-то:

„Принимая во вниманіе вышеозначенный [вовсе неубѣдительныя] соображенія, мы, по предложенію издателя, расположили произведенія Пушкина не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ систематическомъ—по родамъ и видамъ поэзіи и прозы, подобно тому, какъ были изданы сочиненія Шушкіна имъ самимъ въ 1826 году [порядокъ, откинутый Пушкинымъ въ слѣдующемъ изданіи, которое расположено хронологически] и затѣмъ въ посмертномъ изданіи 1838 года [которое, кажется, было худшимъ изъ всѣхъ изданій Пушкина и которое до сихъ поръ всѣ ругательски ругаютъ]. Намъ кажется, что мы оказываемъ этимъ публике двойную услугу”...

И далѣе объясняется, что при такомъ порядкѣ будто бы легче найти стихотвореніе, и что читатели тутъ «могутъ получить весьма не лишнія и

любопытныя свѣдѣнія о томъ, что даль по каждому роду и виду поэзіи нашъ безсмертный поэтъ», хотя, конечно, права его на безсмертіе не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, много-ли, мало-ли одѣ или эпиграммъ имъ написано. Наконецъ, г. Скабичевскій еще убѣжденъ—для учителей русской словесности гораздо удобнѣе систематическое распределеніе сочиненій Пушкина, хотя, конечно, учителя русской словесности никакъ не могутъ быть причислены къ «большинству», которое принуждено для отысканія какого нибудь стихотворенія рѣться по всему изданію Пушкина.

Нечего, конечно, говорить о произволѣ, съ какимъ приходится дѣлить стихотворенія Пушкина по родамъ и видамъ; г. Скабичевскій между прочимъ принужденъ былъ устроить широкую и смѣшанную рубрику: «Антологія (я), описанія, идили, пѣсни и думы», отнеся въ нее добрую часть всякихъ стихотвореній Пушкина. Воообще все доводы редактора въ пользу распределенія «по родамъ и видамъ поэзіи», все указанія на двойную или даже тройную выгоду такого систематического порядка совершенно не убѣдительны, да и самое примененіе на дѣлѣ тутъ же прямо показываетъ свои недостатки и не представляетъ никакихъ удобствъ, не можетъ оказать существенныхъ «услугъ». Почему же редакцію принять такой порядокъ? Кажется, прямой отвѣтъ мы находимъ въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ предисловія: «по предложенію издателя». Для издателя такое распределеніе по родамъ и видамъ поэзіи было важно: оно дало ему возможность выпустить сорокъ отдѣльныхъ зданій отъ того же набора (отдѣльно изданы посланія, сатиры и т. д.). Въ этомъ все и дѣло; издатель предложилъ свой порядокъ, редакторъ его принялъ, причемъ неудачно попытался оправдать его общими, а не издательскими соображеніями. Въ концѣ концовъ систематическое расположеніе въ изданіи Ф. Павленкова (хотя неудачное и неудобное), все-таки, конечно, лучше совершенной путаницы въ изданіи фирмы г. Суворина.

По вѣнчности изданія Павленковская удовлетворительны, и его восьмитомный Пушкинъ по виду пріятнѣе, чѣмъ Суворинское изданіе. Что же касается до портрета Пушкина въ Павленковскомъ изданіи и до иллюстрацій (числомъ 44), то они очень плохи. Лучше было бы дать меныше иллюстрацій, но не такихъ плохихъ политипажей, которые къ тому же, по крайней мѣрѣ отчасти, — не новы.

Издание Ф. Павленкова очень быстро разошлось и появилось вторично раньше, чѣмъ вышло второе Суворинское изданіе. Въ первомъ Павленковскомъ изданіи не было писемъ Пушкина: во второе изданіе они вошли (составивъ 9-й и 10-й томы въ многотомномъ изданіи). Но кромѣ прибавки писемъ второе изданіе не внесло никакихъ исправленій: оно представляетъ точное повтореніе первого изданія, т. е. даетъ текстъ такъ, какъ онъ печатался еще въ 1882 году; оно добавило только подъ рубрикой «вновь найденные стихотворенія»—семь пѣсъ изъ изданія Литературнаго Фонда,—какъ будто все различіе

между изданіями г. Морозова и г. Павленкова исчерпывается этими семью стихотвореніями; гораздо лучше было бы вместо этого прибавленія заняться точнымъ исправленіемъ всего текста. Біографія осталась въ прежнемъ видѣ. Текстъ писемъ заимствованъ изъ изданія Литературнаго Фонда.

II.

Московскія изданія.

5. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Издание Льва Поливанова для семьи и школы. Т. I. Лирическія стихотворенія, — цѣна 1 р. 50 к. Т. II. Поэмы, сказки, баллады, эпическая пѣсни, — цѣна 80 к. Т. III (драматическія произведения) и т. IV (романъ, повѣсти, проза) — еще не выходили.

Какъ уже было упомянуто выше, къ 29-му января, т. е. къ сроку окончанія литературной собственности на сочиненія Пушкина, въ Москвѣ появилось лишь школьнное изданіе Льва Поливанова: съ него мы и начнемъ обзоръ московскихъ изданій.

Потребность въ школьнномъ изданіи Пушкина сказалась уже давно. Не говоря объ отдельныхъ изданіяхъ изъ Пушкина съ этою цѣлью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана крупная попытка въ этомъ направленіи: тогдашнимъ собственникомъ сочиненій Пушкина было выпущено школьнное изданіе избранныхъ произведеній поэта въ трехъ томахъ подъ редакціей и съ объясненіями г. Козыmina; изданіе это, не смотря на свои недостатки, имѣло успѣхъ и скоро было повторено: такова была потребность въ подобномъ изданіи. Школьное изданіе Пушкина, сдѣланное теперь г. Поливановымъ, превосходить изданіе г. Козымина, какъ по полнотѣ, такъ и по систематичности. Но все-таки и оно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ своемъ предисловіи (стр. VI) г. Поливановъ говоритъ: «что касается до полноты моего изданія, то въ немъ сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ въ изданіи для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не счелъ возможнымъ назвать свое изданіе избранными сочиненіями». Другими словами, г. Поливановъ утверждаетъ, во первыхъ, что его изданіе есть почти полное собраніе сочиненій Пушкина, и, во вторыхъ, что онъ выпустилъ только то немногое, что не подходитъ для юношескаго возраста. Ни то, ни другое положеніе не вѣрно.

Судя по размѣрамъ томовъ, прежде всего трудно предположить, чтобы четвертый томъ далъ бы вмѣстѣ съ Е. Онѣгинымъ всю прозу, которая, безъ всякихъ комментарій, въ обыкновенныхъ изданіяхъ представляетъ три большихъ тома. И вообще, какъ можно, съ незначительными пропусками,

семь томовъ помѣстить въ четыре, да еще наполненныхъ, по крайней мѣрѣ на половину, критическимъ комментаремъ? Томы г. Поливанова при этомъ меньше обычныхъ томовъ большаго изданія Пушкина. О неполнотѣ изданія мы можемъ вполнѣ судить и по первому тому: въ немъ помѣщено 247 стихотвореній, а между тѣмъ общее число всѣхъ мелкихъ піесъ Пушкина превышаетъ 750, т. е. разбираемое изданіе даетъ только одну третью ихъ по счету; къ тому же, между стихотвореніями, вошедшими въ изданіе г. Поливанова, не мало такихъ, въ которыхъ сдѣланы болѣе или менѣе крупные пропуски. Такимъ образомъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о полнотѣ; это, несомнѣнно, не что иное, какъ «избранныя сочиненія».

Какъ же сдѣлать этотъ строгой выборъ? Неужели двѣ трети мелкихъ стихотвореній Пушкина не годятся «для семьи и школы?» Нѣть, тысячу разъ—нѣть! Изъ откинутыхъ двухъ третей громадное большинство стихотвореній не заключаетъ въ себѣ ничего не подходящаго для юношества. Было бы очень долго перебирать подъ рядъ всѣ откинутыя г. Поливановымъ стихотворенія; достаточно будетъ указать на одинъ какой нибудь отдельль,—возьмемъ, напр., посланія Пушкина въ первый periodъ его жизни, хоть до 1826 года. Г. Поливановъ выпустилъ посланія: къ Галичу два, къ Пущину три (одно дано въ отрывкѣ), къ Ломоносову, къ Кошанскому, къ Шишкову, къ Дельвигу два, къ Илличевскому (данъ отрывокъ), къ Зубову, къ Юрьеву, къ Щербинину, къ Кравцову два, къ Чаадаеву два (даны маленькие отрывки при третьемъ посланіи), къ Кюхельбекеру, къ Энгельгардту, къ Катенину, къ Алексѣеву, къ Давыдову два. Конечно, быть можетъ, въ четвертой, скажемъ, части изъ названныхъ посланій въ изданіи для юношества пришлось бы сдѣлать нѣкоторые пропуски, но все-таки ихъ можно было бы напечатать съ этими сокращеніями (чего, какъ уже замѣчено, г. Поливановъ вовсе не избѣгаєтъ); за то остальные три четверти изъ нихъ могли бы быть даны въ свою чѣмъ и много послужили бы не только къ характеристикѣ самого Пушкина и его личныхъ связей, но въ значительной степени и къ характеристикѣ его взглядовъ на творчество: онъ прямо высказываетъ ихъ, обращаясь къ Дельвигу, Кошанскому или Шишкову и т. д. Кромѣ совершеннаго пропуска указанныхъ посланій, г. Поливановъ выкинулъ не мало стиховъ изъ другихъ посланій, у него приведенныхъ, при чемъ эти пропуски часто бываютъ непонятны, напр., въ посланіи къ А. Ф. Орлову или къ Жуковскому: въ послѣднемъ выпущено болѣе половины, вся характеристика русской литературы XVIII вѣка; зачѣмъ было ее выпускать? Если г. Поливановъ не согласенъ съ оцѣнками, сдѣланными у Пушкина, онъ могъ оговорить свой болѣе правильный взглядъ въ объясненіяхъ. Въ концѣ концовъ, изданію, безъ сомнѣнія, очень повредилъ пропускъ указанныхъ посланій, и этотъ пропускъ очень вредно отразился и на комментаріи, о чёмъ будетъ сказано ниже.

Итачъ, изданіе г. Поливанова есть несомнѣнно собраніе избранныхъ

сочиненій Пушкина и притомъ вовсе не такое полное, которое могло бы быть (и должно бы быть) сдѣлано для достижениѧ цѣлей, поставленныхъ г. Поливановымъ.

Что касается до Пушкинского текста въ разбираемомъ изданіи, то съ одной стороны оно довольно внимательно воспользовалось сообщеніями изъ рукописей поэта въ «Русской Старинѣ» 1884 г. (иногда, впрочемъ, нужные поправки не сдѣланы, см., напр., «Заздравный кубокъ», «Чернильница», или сдѣланы невѣрно, напр., въ наброскѣ о Рилемѣ); но, съ другой стороны, въ основу текста положено изданіе 1882 г., при чмъ повторены многія его ошибки и даже просто опечатки (ср., напр., мѣста, указанныя выше для изданія Литературнаго Фонда, или еще, въ «Черепѣ» въ 65 стихѣ Увѣренность вмѣсто Умѣренность). Къ этому присоединяются и собственныя опечатки. Замѣтываніе черновыхъ варіантовъ изъ «Русской Старины» или «Русскаго Архива» для школьнаго изданія часто не имѣть значенія, и редакторъ поступалъ бы гораздо правильнѣе, занявшись вмѣсто того выправкой текста по подлиннымъ Пушкинскимъ изданіямъ.

Въ своемъ комментаріи г. Поливановъ желалъ дать исторію каждого произведенія и его оцѣнку. Разсказывая исторію лирическихъ піесъ Пушкина, г. Поливановъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать послѣдовательную біографію поэта; мысль прекрасная, но исполненная далеко не вполнѣ: послѣдовательной біографії и характеристики Пушкина мы у г. Поливанова все-таки не находимъ; ниже было говорено, напр., о пропускѣ въ разбираемомъ изданіи большинства посланій Пушкина къ его друзьямъ, а при этомъ, конечно, комментарій уже не можетъ дать намъ точнаго и полнаго изображенія дружескихъ связей Пушкина, вліяніе которыхъ имѣло такое значеніе въ молодые годы нашего поэта.

Значенію біографическаго комментарія мѣшаютъ еще допускаемыя иногда неточности, которыхъ очень легко было бы избѣжать. Такъ, на стр. 80 говорится, что первое изданіе Руслана и Людмилы, за отъѣздомъ Пушкина изъ Штербергра на югъ, было кончено Вяземскимъ, а на самомъ дѣлѣ оно было поручено Гнѣдичу; такъ дважды (стр. 84 и 132) г. Поливановъ увѣряетъ, будто Пушкинъ въ 1820-хъ годахъ изучалъ Овидія въ подлинникѣ, а между тѣмъ самъ Пушкинъ говоритъ намъ, что по выходѣ изъ лицея ничего не читаль по латыни. Г. Поливановъ думаетъ, что заниматься Бібліей Пушкинъ началъ въ Михайловскомъ, и забываетъ о его извѣстномъ письмѣ изъ Одессы, послужившемъ причиной высылки его въ Михайловское: «Читаю біблію..»—такъ начинается это письмо. Въ другомъ мѣстѣ г. Поливановъ разсказываетъ, что Пушкинъ, по возвращенію изъ ссылки, всю зиму 1826—1827 г. прожилъ въ Москвѣ, а между тѣмъ онъ уѣзжалъ въ срединѣ зимы мѣсяца на полтора опять въ Псковъ.

Говоря о собственномъ комментаріи г. Поливанова (онъ, кромѣ того, при-

водить много отзываовъ критики), укажу также примѣры совершенно невѣрнаго объясненія къ стихотвореніямъ. На стр. 176 по поводу «Оды графу Хвостову» говорится, будто Пушкинъ призываетъ Хвостова занять мѣсто тѣни Байрона «въ Аидѣ», чтò, по мнѣнію г. Поливанова, особенно комично; между тѣмъ изъ всего стихотворенія вполнѣ ясно, что Пушкинъ зоветъ Хвостова въ Грецію, «гдѣ отъ крови земля промокла»; ошибочное толкованіе въ данномъ случаѣ произошло отъ слишкомъ буквального пониманія словъ: «на мѣсто тѣни знаменитой»; но вѣдь это и въ обыденной рѣчи постоянно говорится такъ: на мѣсто покойного, и никто не думаетъ, что это мѣсто въ гробу.

Другой примѣръ: по поводу «Обвала», на стр. 296, г. Поливановъ говоритъ: «это стихотвореніе вызвано мыслями о борьбѣ русскихъ войскъ съ горцами. Ср. съ (со) «Споромъ Лермонтова». Между тѣмъ, для всякаго читателя, думаю, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ (первая строфа) и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ. И какое тутъ подобіе русской борьбы на Кавказѣ? Обвалъ (т. е. по г. Поливанову—русскія войска) завалилъ рѣку Терекъ (олицетвореніе горцевъ, ихъ характера и взглядовъ), но Терекъ сначала промылся подъ обваломъ, а потомъ обвалъ и совершенно разрушился, такъ что тамъ, гдѣ прежде шелъ по обвалу путь, теперь мчится только Эоль. Нѣкоторое подобіе послѣдней строфы, со стихами въ «Спорѣ» Лермонтова, и послужило, повидимому, основаниемъ для толкованія «Обвала», какъ аллегоріи. У Пушкина:

И путь по немъ широкій шель,
И конь скакаль, и влекся волъ,
И своего верблюда вѣль
 Степной купецъ;
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
 Небесъ жилецъ.

Г. Поливанову при этихъ стихахъ, должно быть, припомнились стихи Лермонтова:

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы...

Надо думать, что, увлеченный воспоминаніемъ объ этихъ стихахъ, г. Поливановъ призналъ вообще сходство «Обвала» Пушкина со «Споромъ» Лермонтова и отсюда уже и призналъ «Обвалъ» за аллегорію, изображающую нашу борьбу съ горцомъ, хотя для этого нѣтъ никакихъ основаній: самые стихи, которые, повидимому, навели г. Поливанова на мысль о сравненіи, по сущности противуположны. У Лермонтова караваны проходятъ тамъ, гдѣ прежде

носились туманы и орлы, а у Пушкина наоборотъ: вѣтеръ носится тамъ, гдѣ передъ этимъ, благодаря случайному обвалу, могли проходить караваны. Но и кромѣ разбираемыхъ стиховъ никакой аналогіи между двумя піэсами вѣцѣломъ провести нельзя: случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся піэса просто даетъ картину кавказской природы безъ вся-
каго олицетворенія и аллегоріи.

Для того, чтобы дать оценку произведеній Пушкина, г. Поливановъ дѣлаетъ выборку изъ главнѣйшихъ нашихъ критиковъ: работа серьезная и очень полезная. Однако, опять надо замѣтить, что выборъ отрывковъ не всегда удаченъ; они иногда слишкомъ длинны, иногда черезъ-чуръ кратки, часто не согласованы, не сведены, а выводъ самому читателю бываетъ трудно сдѣлать,—для этого не дается достаточного материала. Какое, напр., значеніе могутъ имѣть такие отзывы: «Мечтатель. По замѣчанію Бѣлинского, стихотвореніе это показываетъ сильное вліяніе Батюшкова. По мнѣнію Анненкова, оно представляется... первое проявленіе самостоятельнаго таланта. Размѣръ его (стихотворенія),—прибавляетъ отъ себя редакція,—употреблявшейся и Батюшковымъ,—одинъ изъ любимыхъ размѣровъ Жуковскаго». Такимъ образомъ, г. Поливановъ, вместо того, чтобы высказаться—кто правъ, Бѣлинскій или Анненковъ, есть ли данная піэса подражаніе Батюшкову или нечто самостоятельное, указываетъ еще на сходство съ Жуковскимъ, т. е. оставляетъ вопросъ въ неопределенномъ положеніи: зачѣмъ же было его ставить? Или еще № 16. «Изъ посланія къ кн. А. М. Горчакову» (стр. 41). «По замѣчанію Бѣлинского, это стихотвореніе носитъ слѣды вліянія Батюшкова. По замѣчанію Гаевскаго, эта элегія, напоминая содержаніемъ, размѣромъ и некоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго къ Филалету, въ то-же время носитъ слѣды подражанія предсмертной элегіи Жильбера». И опять юный читатель остается въ недоумѣніи, кому же и въ чёмъ подражалъ Пушкинъ въ данномъ случаѣ.

Существеннымъ достоинствомъ комментарія г. Поливанова представляется постоянно дѣлаемые сравненія съ иностранными образцами Пушкина (гораздо полнѣе, чѣмъ у г. Морозова), при чѣмъ приводятся въ подлинникѣ или въ переводѣ иностранныя произведенія, которымъ подражалъ или изъ которыхъ заимствовалъ свои мотивы Пушкинъ.

По внѣшности, изданіе г. Поливанова не особенно изящно, напоминаетъ обычные учебники; къ тому-же комментарій, въ немъ часто есть чужіе, нѣ Пушкинскіе стихи,—недостаточно отдѣляется по шрифту отъ стихотвореній Пушкина, и послѣднія совершенно тонуть въ немъ, такъ что ихъ иногда нелегко найти.

На оберткѣ вышедшихъ къ 29-му января первыхъ двухъ томовъ сказано: «томы III и IV печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ объѣщанные томы не появились.

Въ общемъ, изданіе г. Поливанова является удачнымъ, но все-таки оно не исчерпываетъ окончательно всей задачи, во-первыхъ, по неполнотѣ (не говоря уже объ ошибкахъ въ текстѣ), во-вторыхъ, по своей высокой цѣнѣ, въ третьихъ, наконецъ, потому, что оно разсчитано только для юношества старшаго возраста.

Всѣ остальные изданія, о которыхъ буду говорить дальше, печатались уже послѣ выхода изданій выше разобранныхъ,—такимъ образомъ. они всѣ могли и должны были воспользоваться работою г. Морозова или г. Ефремова. Одни изъ нихъ это сдѣлали, другія нѣтъ, но во всѣхъ иль не видно и слѣда самостоятельной редакторской работы; поэтому очень подробно говорить о нихъ нечего,—я лишь кратко охарактеризую каждое изъ этихъ изданій и его отношеніе къ своему первоисточнику, т. е. къ тому изданію, которое положено въ его основу.

6. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. А. Карцева. Біографический очеркъ составленъ А. Сосницкимъ. Одинъ томъ, цѣна 1 р. 25 к.

Это изданіе не воспользовалось трудами непосредственныхъ предшественниковъ: оно даетъ текстъ, большую частью, неисправлений, неполненный, какъ онъ печатался до 1882 года включительно. По неполнотѣ и неточности текста, по предварительнымъ пропускамъ для сокращенія своего объема, это изданіе близко къ (первому) изданію г. Павленкова; оно отличается отъ него тѣмъ, что часть стихотвореній и часть прозы напечатаны не по изданію 1882 года, а по изданію 1880 г., т. е. повторяетъ такія особенности его, напр., въ хронологіи пѣсъ, которые были исправлены еще въ изданіи 1882 г. (зачѣмъ это было нужно брать за образецъ изданіе 1880 г.—не понятно). За то расположение пѣсъ въ разбираемомъ изданіи лучше, чѣмъ въ изданіи г. Павленкова (здѣсь только три отдѣла—лирика, эпосъ, драма); точно также лучше и вѣшность, т. е. бумага и печать (къ сожалѣнію, изданіе очень плохо сброшюровано); въ немъ, наконецъ, меньше опечатокъ. Замѣчу еще, что курьезная ошибка г. Сабачевскаго, съ примѣчаніемъ г. Ефремова къ Лицейскимъ запискамъ Пушкина, повторена и въ Карцевскомъ изданіи; надо думать, что она прямо заимствована изъ Павленковскаго изданія, — трудно предположить случайное совпаденіе въ столь странной ошибкѣ.

Портретъ Пушкина, «гравированный художникомъ Яновымъ» (т. е. это, конечно, значить—политипажъ) и находящійся на оберткѣ, совершенно никуда не годится. Къ изданію приложенъ біографический очеркъ, составленный А. Сосницкимъ; читается онъ легко, но въ немъ не мало неточностей и замѣчается странная неразборчивость по отношенію къ источникамъ; тексты

Пушкина цитуются въ неисправленномъ видѣ, что для біографа иногда особенно неудобно.

Издание г. Карцева самое дешевое изъ всѣхъ болѣе или менѣе полныхъ изданий сочиненій Пушкина. По слухамъ, оно (15,000 экземпляровъ) почти все уже разошлось, и г. Карцевъ предполагаетъ выпустить второе изданіе, исправивъ и дополнивъ текстъ, но не возвышая цѣны.

7. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергеевича Пушкина. Издание В. Н. Маракуева. 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к., на плотной бумагѣ 2 р. 50 к., на веленевой 3 р. 50 к. б) Собрание сочиненій Александра Сергеевича Пушкина. Издание В. Н. Маракуева. 6 томовъ, цѣна 1 р.

8. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергеевича Пушкина. Издание И. Д. Сытина и К°, 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к. б) Собрание сочиненій Александра Сергеевича Пушкина. Издание И. Д. Сытина и К°, 6 томовъ, цѣна 1 р.

Всѣ эти четыре изданія, напечатанныя съ одного набора въ типографіи И. Д. Сытина и К°, представляютъ одно и то-же, поэтому я буду говорить о нихъ сразу. Впрочемъ, между изданіями Маракуева и Сытина есть еще одно различіе, кромѣ обертки, о которомъ будетъ сказано ниже.

Прежде всего замѣтимъ, что шеститомное Собрание сочиненій отличается отъ десятитомного Полного собранія прямо отсутствиемъ послѣдніхъ четырехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ журнальныя статьи, историческія сочиненія, записки, письма.

Въ основу разбираемаго изданія положенъ текстъ изданія Литературнаго Фонда; текстъ этотъ перепечатанъ съ старательною точностью, при чемъ лица, завѣдывавшія перепечаткой, допустили, конечно, свои опечатки, постарались добросовѣстно сохранить всѣ ошибки своего подлинника, не обративъ вниманія даже на списокъ опечатокъ, приложенный къ изданію Литературнаго Фонда. Тутъ произошелъ характерный для разбираемыхъ изданій случай: въ изданіи Литературнаго Фонда, въ сценѣ изъ «Фауста», была пропущена по недосмотру цѣлая страница, такъ что потомъ эту сцену перепечатали на отдѣльномъ листкѣ, который и раздавался покупателямъ. Разбираемый изданія не обратили вниманія на этотъ листокъ и напечатали сцену изъ Fausta съ пропускомъ 31 стиха!

Текстъ «Е. Онѣгина», «Бориса Годунова» и «Полтавы» въ разбираемыхъ изданіяхъ взять изъ отдѣльныхъ изданій, напечатанныхъ Обществомъ любителей россійской словесности. «Онѣгинъ» дѣйствительно напечатанъ въ этомъ изданіи точнѣе и полнѣе, но за то въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Полтавѣ» тамъ данъ только основной текстъ, такъ сказать, вульгата, и гг. Маракуевъ-Сытинъ, воспроизведя его, даютъ «Бориса Годунова» въ менѣе полномъ видѣ, чѣмъ изданіе Литературнаго Фонда. При этомъ же тутъ воспроизведены опять

ошибки изъ изданий Общества словесности, а новые дополнения къ «Евгению Онѣгину» не взяты.

Гр. Маракуевъ-Сытинъ, пользуясь изданиемъ Литературного Фонда, выпустили, однако, многое изъ черновыхъ набросковъ и изъ мелкихъ произведений Пушкина; при этомъ трудно понять, почему одно выброшено, а другое—совершенно такого же характера — оставлено. Гораздо правильнѣе отношение къ дѣлу въ издании г. Павленкова или г. Карцева: тамъ выпущены всѣ черновые наброски и дополнения, и читатель, по крайней мѣрѣ, знаетъ прямо, чего нѣтъ и что есть, а въ разбираемомъ издании это никому неизвѣстно. Наврядъ ли и сами издатели знаютъ, что они пропустили... Что? Галуба, ни болѣе, ни менѣе, какъ Галуба.

Дѣлая произвольные пропуски для своего издания, гг. Маракуевъ-Сытинъ допустили при этомъ повтореніе одного и того-же. Въ этомъ отношеніи особенно отличились оба издания г. Маракуева: въ нихъ дважды напечатана Полтава! Она помѣщена у г. Маракуева въ IV томѣ безъ примѣчаній и въ V томѣ опять цѣликомъ, съ примѣчаніями. Въ издании г. Сытина, печатавшагося съ того-же набора, но, очевидно, позднѣе, «Полтава» изъ IV тома выкинута.

Ко всѣмъ четыремъ разбираемымъ изданиямъ приложены одинаковые два портрета и два вида—все въ очень плохихъ политипажахъ; особенно портретъ Пушкина-мальчика поразителенъ по своей негодности. Приложенная краткая біографія и «примѣчанія» тоже изъ рукъ вонъ плохи. Наконецъ, всѣ эти издания изобилуютъ печатками.

У гг. Сытина и Маракуева было желаніе издать Пушкина точно и полно, но имъ въ этомъ помѣшили, съ одной стороны, экономические расчеты, а съ другой неумѣніе взяться за дѣло и небрежность въ исполненіи.

9. Юбилейное издание. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, въ одномъ томѣ всѣ 7 книгъ, восьмая же книга включаетъ въ себѣ Пушкина біографію. Просмотрѣно и издано подъ редакціею Мальцева, по послѣднимъ дополненнымъ изданиямъ Анскаго, Суворина и Павленкова, редактированнымъ Снабичевскимъ, Ефремовымъ и другими, Издание г. Земскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

По одному заглавію можно уже судить объ этомъ изданіи, но для того, чтобы дать еще лучшее понятіе о немъ, приведу двѣ выдержки изъ объясненій редакціи: «нѣсколько словъ объ этомъ изданіи». Редакція объясняетъ, что въ издании

„не помѣщены: вторая часть исторіи Пугачевскаго бунта, которая почти вся состоитъ изъ однихъ материальныхъ замѣтокъ и, кромѣ того, камчатскія дѣла и материалы къ составленію исторіи Петра Великаго: они безусловно для публики излишни и не составляютъ ви малѣйшаго интереса, и помѣщеніе ихъ только бы усложнило это изданіе въ цѣнѣ безъ всякой пользы для нея (sic), и цѣна ему была бы вмѣсто одного рубля 50 к. уже не менѣе трехъ рублей.“

А въ концѣ еще:

Примѣщеніе критическихъ замѣтокъ, примѣчаній и разбора на сочиненія Пушкина въ это дешевое изданіе совершенно излишне, что только увеличило бы чѣмъ вдвое цѣну, какъ мы на этотъ предметъ выше сказали" (sic).

Само изданіе представляетъ безобразную перепечатку изданія 1882 года, не только безъ дополненій и поправокъ (какъ и во второмъ Павленковскомъ изданіи внесены семь,—«около десяти», говоритъ г. Мальцевъ—пѣсъ изъ изданія Литературнаго Фонда), но со всякими пропусками и искаженіями, съ совершенно произвольною перебивкою произведеній и пр., и пр. Послѣ стихотвореній 1823 г. находимъ 1828 и 1829 г.; затѣмъ «вторая книга» начинается стихотвореніями 1825 г., а далѣе идутъ годы 1826, 1827, 1830 и т. д. Кромѣ того и между отдѣльными годами пѣсы перебиты.

Разбираемое изданіе очень осторожно въ цenzурномъ отношеніи, дѣлаетъ поэту много пропусковъ въ такихъ мѣстахъ, которыхъ совершенно свободно печатаются во всѣхъ другихъ изданіяхъ. Оно доходитъ до того, что послѣдній куплетъ въ «Посланіи въ Сибирь» (и заглавіе не дано) печатается такъ:

Ок.. тя.. пад...
Темн... рух... и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья м... вамъ отадутъ.

И даже въ пѣснѣ о сынѣ С. Разина, вмѣсто «во царевомъ кабакѣ» — напечатано: «во цар... кабакѣ».

Опечатокъ въ изданіи множество. Внѣшность ужасная, бумага скверная, полей нѣтъ; текстъ напечатанъ что въ два, что въ три, а что въ четыре столбца,—это перебивается часто на одной страницѣ. Портреты очень плохи, особенно фантастический портретъ Пушкина во весь ростъ; лицо Пушкина на немъ очень мало похоже, онъ закутанъ въ медвѣжью шинель, въ родѣ Державина, а въ облакахъ чья-то рука держитъ лавровый вѣнокъ, кругомъ которого надпись: «вѣчная, бессмертная слава великому поэту русскому». Біографія—это «выдержки по редакціи Скабичевскаго». По заглавію и по вышеприведеннымъ образцамъ слога г. Мальцева можно судить о статьѣ. Къ изданію не приложено указателя, нѣтъ даже порядочнаго оглавленія. Вообще это изданіе во всѣхъ отношеніяхъ худшее изъ всѣхъ новыхъ изданій Пушкина, и наврядъ ли оно можетъ быть превзойдено въ будущемъ.

10. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Состоящее изъ 12-ти частей. Издание предназначено для всего русского народа. Съ приложением биографии поэта, торжества открытия ему памятника въ Москвѣ, юбилея 50-тилѣтія и хромолитографированныхъ картинъ. Издание книгопродавца издателя С. И. Леухина (1 томъ, цѣна 2 р.).

Леухинское издание плохо, но все таки нѣсколько лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ издание г. Земскаго. Оно напечатано на болѣе хорошей бумагѣ, всего въ два столбца, съ полями; опечатокъ, правда, тоже очень много. Стихотворенія Пушкина перебиты тутъ, кажется, еще больше, чѣмъ у г. Земскаго; за то разбираемое издание полно, не дѣлаетъ такихъ безобразныхъ пропусковъ. Текстъ, конечно, взятъ по изданию 1882 г. безъ исправленій. Биографія подробнѣе и нѣсколько лучше составлена, хотя, конечно, о самостоятельной работѣ, о самостоятельной мысли въ ней нѣтъ и помину, а источники ея взяты безъ разбору и безъ проверки. Свѣдѣнія объ открытии памятника Пушкину въ Москвѣ и о празднованіи его памяти 29-го января 1887 г. заимствованы тоже безъ разбору и безъ системы изъ всякихъ газетъ. Хромолитографическія картины (объявленія г. Леухина все время, и до выхода изданія, и послѣ его появленія, упорно говорили объ олеографическихъ картинахъ), большую частью, крайне плохи.

III.

Мы разсмотрѣли всѣ или почти всѣ новыя «полныя собранія» сочинений Пушкина¹⁾.

Издание много, но общее впечатлѣніе получается далеко не благопріятное. Какъ уже замѣчено выше, дешевизна изданій не составляетъ еще заслуги издателей. Ни одно изъ новыхъ изданій, за двумя исключеніями, не можетъ удовлетворить двумъ основнымъ требованіямъ, — точности и полнотѣ. Исключение составляютъ только два наиболѣе дорогихъ изданія: издание Литературного Фонда подъ редакціей г. Морозова и Комаровское изданіе подъ редакціей г. Ефремова: только на эти два изданія была положена самостоятельная работа, только они представляютъ извѣстную гарантію относительно точности и полноты текста. Но вполнѣ удовлетворительными, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и эти два изданія не могутъ быть названы. Во первыхъ,

¹⁾ Еще мнѣ извѣстны: 1) Издание газеты „Лучъ“, 2) Издание петербургскаго товарищества „Общественная польза“ и 3) одно одесское изданіе, выходившее отдельными выпусками; самостоятельного значенія они не имѣютъ.

каждое издание изъ нихъ представляетъ разныя стороны редакторской работы: г. Морозовъ самостоительно занимался рукописями поэта, г. Ефремовъ—печатнымъ Пушкинскимъ текстомъ; послѣднее, по моему, важнѣе, но собственно важно-то было бы соединеніе обѣихъ сторонъ. Во вторыхъ, въ обоихъ изданіяхъ есть существенные недостатки, изъ которыхъ пропуски, ошибки и т. д. Оба изданія далеко не разрѣшили окончательно задачи, чѣмъ г. Ефремовъ, впрочемъ, и не задавалася.

Поучительную, хотя очень печальную картину представляетъ исторія Пушкинскихъ изданій съ 29-го января 1886 года. На книжномъ рынке появляется множество всякихъ «полныхъ» изданій; но только одно изъ нихъ было редактировано при помощи рукописей поэта, только другое при помощи подлиннаго печатнаго Пушкинского текста. Остальные всѣ изданія пользовались безъ критики, часто безъ системы и со всевозможнымъ произволомъ трудами г. Ефремова и г. Морозова, при чѣмъ мы видимъ очень поучительное явленіе—постоянное повтореніе чужихъ ошибокъ,—не говоря уже о щедромъ прибавлениі собственныхъ ошибокъ. Въ концѣ концовъ на книжномъ рынке распродано уже до 200 тысячъ экземпляровъ полныхъ изданій Пушкина и готовятся еще новыя изданія, такъ какъ спросъ все продолжается. Къ сожалѣнію, опять уже показалъ (второе изданіе Суворинское и Павленковское), что прежнія изданія, какъ они поставлены, наврядъ-ли могутъ быть исправлены. Поэтому-то очень важно извѣстіе о намѣреніи академіи наукъ предпринять изданіе сочиненій Пушкина.

Нечего говорить о томъ, что это обязанность академіи, исполнить которую академія можетъ, какъ должно: для этого у нея есть всѣ данные.

Академія можетъ, не торопясь, не заботясь о требованіяхъ книжной специальности, серьезно исполнить свою задачу. А задача и теперь еще предстоитъ нелегкая. Рукописи Пушкина все еще далеко не исчерпаны. «Описаніе» ихъ многое оставляло въ сторонѣ, притомъ же въ немъ, какъ и можно было ожидать и какъ показано г. Морозовымъ, вкаилось достаточно ошибокъ и неточностей. Г. Морозовъ тоже не исчерпалъ рукописей, тоже допустилъ неточности. Будемъ надѣяться, что редакція академического изданія сумѣетъ окончательно изслѣдовать рукописи Пушкина. Затѣмъ ей, конечно, предстоить задача полнаго сличенія печатнаго Пушкинского текста.

Издавать сочиненія извѣстныхъ русскихъ писателей, это—одна изъ прямыхъ обязанностей академіи. Изъ примѣра съ изданіемъ сочиненій Державина мы можемъ видѣть, какъ хорошо обставлены бываютъ подобныя академическія изданія.

Нельзя сомнѣваться, что на изданіе сочиненій Пушкина будетъ теперь употреблено не менѣе труда и заботъ, и мы въ академическомъ изданіи будемъ имѣть полный и точный текстъ Пушкина, снабженный объясненіями и примѣчаніями, съ приложеніемъ портретовъ, видовъ, факсимиле рукописей и рисунковъ,

а также снимковъ съ извѣстныхъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Пушкина и проч. Само собою разумѣется, что на ряду съ такимъ роскошнымъ изданіемъ должно быть сдѣлано изданіе болѣе простое и очень дешевое,—быть можетъ, потребуется даже нѣсколько разныхъ изданій и т. д.

Спросъ на сочиненія Пушкина, не удовлетворенный еще количествомъ новыхъ изданій, тѣмъ болѣе не удовлетворенъ икъ качествомъ. Поэтому-то, повторяю, нельзя не привѣтствовать съ особенною радостью намѣреніе Императорской Академіи наукъ издать собраніе сочиненій А. С. Пушкина достойнымъ образомъ.

В. Е. Якушинъ.

Августъ 1887 г.
